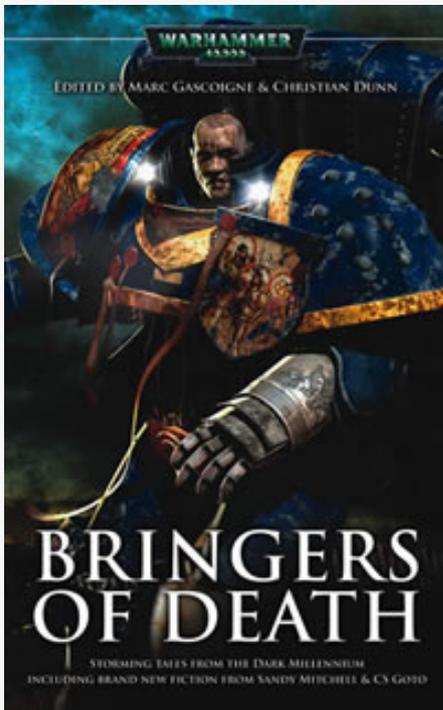

Ксеноцид / Xenocide (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Ксеноцид / Xenocide (рассказ)

Автор	Саймон Джоветт / Simon Jowett
Переводчик	Sidecrawler
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Несущие смерть / Bringers of Death
Год издания	2005
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

□

Содержание

ПРОЛОГ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПРОЛОГ

Агра — «Сад Императора».

Имперское картографическое обозначение: Самакс-4. Сельскохозяйственный мир класса альфа. 1,75% массы Терры. Один материк.

Климат: умеренный.

Плодородность почвы: высокая.

Содержание полезных руд, минералов и т.д.: низкое.

Открыт: M35.332.

Покорён: M35.375.

Потерян: M40.666.

Выдержка из «Алфавитного указателя катушек пре-ересевых картографических данных»

Том XXV. Либрариум Коллегиум Астропатика.

M41.572

— Папа! Иди быстрее!

Браель Корфе был в скотном сарае, когда услышал возбуждённый крик сына. Молох, молодой бычок, который, как надеялся Браель, заменит Магога, стареющего быка-производителя, вожака коровьего стада, захромал. Браель перевёл его в сарай, и сейчас обрабатывал следы бело-зелёной гнили, которые нашёл на переднем копыте.

Грибок был довольно обычной неприятностью. Если вовремя его заметить и обработать испытанным средством из кое-каких местных корешков и трав, он быстро исчезнет. Но если запустить болезнь, она проникнет в сердцевину копыта, превратив его в дурнопахнущее месиво и не оставив фермеру другого выбора, кроме как забить больное животное.

— Папа! Мама! Небо в огнях! — Брон скакал по двору. Браель макнул руки в лохань с водой у двери сарая и, вытирая насухо тряпкой, пошёл через двор к Брону. Двор представлял собой полукруг с колодцем посередине, из которого мужчины и женщины Корфе черпали воду в течение многих поколений. Двор ограничивали с востока и запада длинные, низкие постройки скотного двора и сеного сарая.

На северной стороне полукруга, дверью на юг, стоял жилой дом. Хозяйственные постройки были крыты деревом, крыша дома же была выложена черепицей. Тёплый, жёлтый свет масляной лампы горел в окне

кухни. Ставни по всему дому распахнуты навстречу нежной летней ночи. Брон родился под широкой низкой крышей этого дома, как и Браель, как и его отец, и отец его отца. Бесчисленные поколения рода Корфе рождались и умирали в этих местах. Браель находился в полной уверенности, что они с Броном проведут жизнь точно так же.

Брон прыгал посреди двора. Будь это день, он бы смог увидеть ровные, плодородные луга, на которых Браель с роднёй пасли свои стада. В ясный летний день можно было проникнуть взглядом до самых Южных холмов, до которых от фермы Браеля было три дня верхом. Земля мало значит, когда её так много. Стада и посевы гораздо важнее, и на больше чем три дня пути в каждую сторону имя, с которым связывали скот и поля, было — Корфе. И дня не проходило, чтобы Браель не искал случая поучить Брона, что значило быть Корфе и работать на земле.

Браель увидел, как из дома появилась Вика, тоже вытирая руки. Брон унаследовал энергичный характер от матери, в этом Браель был уверен. Он любил послушать её истории о героях из далёкого прошлого, о людях, что могли летать как птицы и испускать огонь из глаз. Некоторые из историй были весьма захватывающими, даже Браель признавал это.

Но, в отличие от жены, Браель не верил в их правдивость.

— Видишь их? — спрашивал Брон, показывая в ночное небо. — Видишь, да?

Браель подошёл к сыну и проследил вверх за его взглядом. Линии света прочертили ночь, пологими дугами уходя на север.

— Это падающие звёзды, Брон, — сказал Браель, взъерошив тонкие, светлые волосы сына. Их Брон тоже получил от матери: волосы Браеля, как и его отца, были жёсткими и тёмными. — Ты же видел падающие звёзды раньше. Это они и есть.

— Только я никогда не видел столько много, — ответил Брон. Он глянул снизу на Браеля, потом на мать, которая присоединилась к ним и тоже смотрела на звездопад.

— Это звёздные боги? — спросил Брон. — Они пришли?

— Брон... — начал Браель.

— Мы живём надеждой, Брон, — ответила Вика. — Мы верим в Вакс.

— Вика, это всего лишь падающие звёзды, — сказал Браель, — ничего больше.

— В «Догматах» говорится, что будут знамения и чудеса, так ведь? — Брон вопросительно посмотрел на Вику. Единственной книгой в доме был Викин экземпляр «Догматов священного Вакса». Вика по ней учила Брона читать; он был первым из Корфе, кто мог не только ставить свою подпись. Вика улыбнулась ему, и словно собиралась что-то сказать.

— Твоя тётка Брелла верила в знамения и чудеса, — вклинился Браель. Вика закатила глаза. Она уже слышала эту историю не раз. — Как-то она заявила, что видела быка, который шёл задом наперёд и назвал её по имени. И сказала, это значит, что у твоей мамы будет девочка, и что она будет невезучей. Через восемь месяцев родился ты.

— Но она не знала, что я беременна, — добавила Вика.

На это Браель не знал, что ответить. Брелла уже была древней старухой, когда он родился, и была известна тем, что знала вещи, которые знать не могла. К тому времени, когда Браель привёл в свой дом Вику, Брелла выглядела невероятно старой, цепляясь за жизнь лишь благодаря железной воле и консервирующему действию зернового виски, который любила пригубить. Именно виски винили в крайней неточности некоторых из её предсказаний.

Но каким-то образом она узнала о беременности Вики прежде, чем та поведала об этом кому-либо, кроме Браеля.

— Значит, мы снова отправимся в храм? — спросил Брон. Вика хотела, чтобы его после рождения благословили жрецы Вакса в храме Маллакса, города на юге. Его называли Железным городом из-за литейных и мастерских, что загрязняли его дымом и шумом. — Я достаточно взрослый, чтобы запомнить его в этот раз.

— Как-нибудь мы снова туда съездим, — ответил Браель, вспоминая путешествие на юг в грохочущем железном караване — десять дней и девять ночей, — когда ты будешь постарше, и я научу тебя, как заправлять этим местом.

Он помассировал шею. В затылке нарастала тупая боль — предвестник пульсирующих приступов, что иногда запирали его в затемнённой комнате почти на весь день.

У Бреллы было название для этого.

— Мудрость пытается пробиться наружу, — говорила она, впери в Браеля многозначительный взгляд. Браель улыбался, целовал старую женщину и предлагал снова наполнить ей стакан.

— Голова болит? — спросила Вика. Браель кивнул. — Я как раз знаю одно средство, — она сделала паузу, улыбнулась и добавила: — Если уж оно не поможет, то отправлю тебя в постель с холодной тряпкой на глазах, — затем взяла Браеля за руку и повернулась к дому.

— Можно я ещё немножко погляжу на небо? — спросил Брон.

— Почему нет? — ответил Браель, улыбаясь жене. — В конце концов, это просто падающие звёзды.

Вика игриво ткнула его в грудь.

— Не торчи тут слишком долго, — сказала она Брону. — До восхода луны чтоб был в постели.

— Буду, — ответил Брон. — Ты иди занимайся головой папы.

И тон его был столь понимающим, что Браель и Вика уставились друг на друга, и по дороге к кухонной двери оба старались не расхохотаться.

Браель не помнил, как заснул. Он проснулся и увидел луч серебряного света, прорезавший щель в ставнях спальни. Должно быть, луна взошла, пока он спал. Судя по яркости и наклону лунного света, она была близка к верхней точке своего путешествия. До рассвета было ещё довольно далеко. Браель не мог

вспомнить, что видел во сне и почему это его разбудило. Он осторожно сел, стараясь не потревожить Вику. Моргая и отстранённо потирая шею, глянул на жену, спавшую рядом, её светлые волосы разметались вокруг головы. И почувствовал знакомое стеснение в груди. То же самое он почувствовал, когда увидел её в первый раз.

За несколько лет до смерти отца, Браель сопровождал старшего кузена Ралка в железном караване на ежегодную ярмарку в ущелье Гиганта у подножия Северных холмов. Пологое предгорье служило границей между обширными, богатыми равнинами и изломанной гористой местностью, которая становилась всё более дикой и крутой с каждым днём путешествия на север. Древние, изрыгающие дым машины, что путешествовали по железным дорогам, которые все вели в Маллак, были бесполезны на севере. Здесь люди гоняли свои стада от вершины к вершине в поисках пастбищ и зимовали в долинах, где снегу наметало до самых крыш их каменных жилищ.

— Северянки похожи на тех ягнят, что сами вскармливают, — предупредил Браеля с улыбкой Ралк. — Всегда готовы сбежать и никогда не знают, когда нужно успокоиться.

Браель рассмеялся. Он знал, как жена Ралка, Дженна, отреагировала бы, услышав сейчас мужа. Женщины, выросшие среди широких травянистых равнин на родине Браеля, были вполне способны использовать острый язычок или летящую миску, чтобы донести до оппонента своё мнение, а меткость Дженны вошла в легенды.

Браель остался на севере, после того как Ралк вернулся с остальным караваном обратно на равнины. Он пережил кусачий ветер и постоянный холод вершин холмов, и добродушные насмешки Викиной родни: они были уверены, что Браель помрёт раньше, чем Вика соблаговолит ответить на его ухаживания. К счастью для его замёрзших и болевших конечностей, они ошиблись.

Независимый ум и предприимчивый характер Вики в равной степени привлекали и озадачивали Браеля. Даже по меркам горных кланов её семья была особенно непоседливой. Браель с удивлением узнал, что они побывали на юге, дойдя аж до Маллакса, главным образом, чтобы посетить храм Священного Вакса — приют уединённой секты, едва известной за пределами городских стен. Браель посчитал это не более чем проявлением любопытства, эпизодом из истории её семьи, пока Вика не забеременела Броном. Однажды ночью, когда они лежали рядом, Вика сказала, что после родов хочет отвезти ребёнка на юг, чтобы благословить в храме.

Браель колебался. Всё, что он слышал о Маллаксе, — это байки путешественников о забитом дымом и чёрным от копоти паршивом месте. Когда-то люди Маллакса работали в шахтах и штольнях под землёй, добывая камень, затем перерабатывая его при помощи древних процессов в ножи и плуги, которыми повсюду пользовались фермеры, и в мечи и копья, которыми городские бароны вооружали своё ополчение.

Но это было давным-давно. Люди больше не спускались под землю. Вместо этого жители Маллакса проводили время, починая то, что создали их предки: инструменты и механизмы, включая те машины, что тянули железные караваны. Тем временем камни города становился всё чернее от грязи, которую выбрасывали в воздух дымовые трубы мастерских.

Он уже хотел воспротивиться путешествию, когда уловил кое-что в глазах и упрямом подбородке жены:

она отправится туда без него и заберёт с собой ребёнка. Кое-кто из мужчин рода Корфе назвал бы Браеля дураком, но в тот момент, когда он это понял, он также вспомнил, за что полюбил её.

Через шесть месяцев после рождения Брона, он оставил своего племянника, Ребака, приглядывать за фермой, пока со своей молодой семьёй съездит на юг.

Маллакс оказался тем, что он о нём уже слышал, и гораздо большим. Шум был хуже, чем оглушительным, — он был насилием над слухом: грохот металла о металл, крики десятников и рабочих, частые, неестественные вздохи и взрывные, шипящие выдохи машин, похожих на те, что тянули караваны, только гораздо, гораздо больше. Вонь горячего металла постоянно висела в воздухе, на зубах скрипело. Когда Браель смотрел в небо через лес дымовых труб, которые словно боролись за место над самыми высокими крышами города, было похоже, будто смотрит сквозь серую вуаль — туман из дыма и пыли и объединённые выделения слишком многих душ, слишком плотно скученных вместе.

Браель не был тёмным деревенщиной. Он бывал в Винаре, полисе, который взвалил на себя административное управление регионом, где фермерствовал его род, и куда они платили регулярную десятину продукции. Он также однажды побывал в Примаксе, самом крупном из полисов. Оба они были большими, шумными, забранными крепостной стеной городами, домом для влиятельных семей, ополчения и храмов божеств, связанных с временами года и плодородием полей, животных и людей. Они были точно так же многолюдны, как Маллакс, и, возможно, не сильно чище. Но запах Винары и Примакса был ему знаком — запах животных, растений и грязи — и он не лип к коже, словно тонкая плёнка маслянистого жира.

Винара была такой же, как местность, в которой она располагалась — крутые улицы были отражением усаженных виноградом террас предместий. Примакс словно делил великолепие широких и ровных сельских угодий, в центре которых стоял. Маллакс, в противоположность им, был тёмным, какофоническим наростом на земле.

Во время путешествия Вика объясняла Браелю догматы Вакса.

— Это маяк, — рассказывала она, перекрикивая непрерывный перестук железных колёс каравана. — По его невидимому свету боги найдут путь обратно к нам.

Боги родились среди звёзд, объясняла Вика. Они путешествовали все вместе в мире и радости, пока, устав, не осели на этом мире и не отдохнули тут несколько столетий.

За это время боги дали начало первым настоящим обитателям этого мира, предкам всех, кто нынче живёт в мире, который они называли Агра, что означает «ферма» на священном языке звёздных богов. Но, как только рай показался созданным, их позвали, чтобы противостоять огромной, непостижимой опасности, которая угрожала уничтожить всё, что было добрым и чистым.

И чтобы их дети не чувствовали себя брошенными, боги дали им Вакс. Некоторые истории утверждают, что у каждого потомка богов был собственный Вакс, через который боги говорили, обещая встревоженным детям, что однажды, когда опасность будет побеждена, они вернуться.

Но они не вернулись. Вакс умолк. Поколения проходили, и дети богов менялись, забывая своё прошлое и

те знания, которые дали им родители. Огромные сверкающие машины, на которых они когда-то пересекали открытые равнины и даже взлетали в воздух, как птицы, развалились, когда знания того, как о них заботиться, были утеряны.

Последний оставшийся Вакс покоился в храме Маллакса, и только в Маллаксе люди боролись, чтобы сохранить знания богов и сберечь те немногие образцы, что остались от их чудес. Без их усилий железные караваны давно бы перестали ходить, и единственным транспортом осталась бы его четвероногая разновидность.

Хотя Браель не сказал этого вслух, он был поражён, что жена верит в подобные небылицы. Несмотря на то, что машины столь же чудесные, как в историях, когда-то существовали — нередко, копая канавы, люди натыкались на незнакомые конструкции, разбитые и заржавленные невообразимыми веками, проведёнными под землёй — они были созданы людьми, и брошены были теми же самыми людьми, и, вероятно, по каким-то весьма серьёзным, известным только им причинам. Что касалось Браеля, он верил в то, что земля есть земля, люди есть люди, а животные есть животные.

Браель помнил тёмные, относительно тихие покои храма Священного Вакса, отделённые от остального города высокой стеной. Низкое гудение, казалось, наполняло всё пространство храма, но оно не было неприятным. Жрецы, скрытые под капюшонами, сновали туда-сюда, шаркая по плитам пола.

Он не знал, чего ожидать, но это было не то. Храм выглядел практически таким же, как любые другие храмы, которые Браель повидал.

— Только жрецы могут стоять перед Ваксом, — объяснила Вика. — Они передают ему наши молитвы и приносят обратно его благословение.

Один из жрецов заметил их. Он подошёл, чтобы поприветствовать молодую семью, и откинул капюшон.

Браель внезапно вздрогнул и открыл глаза. Он дремал, вздёргивая голову, когда она опускалась на грудь. Воспоминания о встрече с Викой, рождении Брона и путешествии на юг пронеслись у него перед глазами за несколько ударов сердца. И, судя по знакомой тяжести в основании головы, боль, с которой он лёг в постель, собиралась нанести ответный визит.

Поднявшись с кровати, Браель прошлёпал из спальни на кухню, где яркий лунный свет падал через незакрытые ставни. Во рту было сухо и вязко, поэтому он решил зачерпнуть ведром из колодца, сделать глоток и облить ледяной водой затылок. Браель выглянул в кухонное окно. Во дворе что-то лежало. Тело.

Брон не отправился в постель, как просила мать. Он устроился на утопанной земле и считал падающие звёзды, пока, в конце концов, не уснул.

Браель улыбнулся, глядя на сына, затем вышел на улицу и осторожно взял его на руки. И прежде чем вернуться в дом, окинул взглядом небо. Свет луны почти стёр знакомые созвездия, а от падающих звёзд, что привели в такой восторг сына, не осталось и следа.

Болезненное жёлтое пятно расцвело позади глаз, желудок скрутило. Викины старания лишь едва

отсрочили неминуемое. К тому времени, когда он добрался до кухонной двери, голова раскалывалась. Сгрузив Брона в постель, он вернулся и лёг рядом с женой. Под закрытыми веками до самого утра плавали яркие разноцветные гнойники.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Из сопоставления допросов выживших и анализа немногих документальных свидетельств, на данных момент извлечённых и переведённых с искажённой формы пре-ересевого имперского готика данной планеты, вторжение на Самакс-4, по-видимому, шло в точности так, как можно ожидать. Захватчики были технологически выше. Туземное население было ограничено в технологиях, но обладало огромным численным преимуществом.

Сначала захватчики развили быстрое наступление, установив контроль над самой северной частью единственного континента планеты. Похоже, что очень немногие сообщения о нападениях достигли остального населения. Сервиторы транскриптора зарегирировали только одну ссылку на слухи, касающиеся «гроз на севере» и «огней в горах».

В течение следующего года (прибл. 1,25 терр. солнечного цикла) захватчики продвигались на юг. Вновь начальные победы были быстрыми, но новости о наступлении быстро распространились по наиболее заселённым центральным регионам. Найдены свидетельства о некотором недоверии к ранним сообщениям о продвижении захватчиков с гор. Горна Хальдек, летописец и гражданский чиновник при дворе Людоса, самопровозглашённого верховного барона Касперы, описывает первые сообщения так: «чепуха из детских кошмаров, не больше». Каспера вскоре пала к ногам наступающих захватчиков.

Немногие уцелевшие из вторых собранных касперских сил обороны — не более чем постоянного ополчения городских баронов, дополненного всеми годными к военным действиям жителями региона — были вынуждены отступить и влиться в ряды сил, собираемых пока ещё незатронутыми полисами. Этот процесс катастрофических потерь, следовавших за отступлением и перегруппировкой оставшихся сил, был вынужден повторяться на протяжении всего континента.

Этим более крупным силам удалось замедлить наступление захватчиков, хотя и не надолго. Некоторая часть оборонявшихся была экипирована древним огнестрельным оружием (кросс-ссылка 665/1468-археотех. обозначения: кремнёвое ружьё, колесцовое ружьё, мушкет) и остатками примитивной артиллерии, которая была откопана по пути на юг. Есть сведения о редких случаях использования оборонявшимися оружия, захваченного у нападавших. Тем не менее, основным оружием оборонявшихся оставалось численное превосходство и готовность сражаться до конца.

Всё это, поставленное против технологического превосходства захватчиков, вкупе с их нечеловеческим пристрастием к кровопролитию, не оставляло никаких сомнений в окончательном исходе.

Жители Самакса-4 были обречены.

Выдержка из «Инквизиторского коммюнике 747923486/алеф/Самакс-4»

Автор: инквизитор Селена Инфантус

M41.793

На бегу вытирая пот с глаз, Браель подумал, наверное, уже в тысячный раз — не сегодня ли тот день, когда он умрёт.

Бежавший впереди Феллик споткнулся и едва не выронил длинный мушкет, зацепившись мыском разбитого сапога за один из обломков, усеивавших улицы. Ещё до нападения город — Греллакс, вспомнил Браель, как кто-то сказал ему — выглядел так, словно уже был разграблен и заброшен.

Греллакс был солидным ярмарочным городом, расположившимся среди чередующихся холмов. Фермер, которым когда-то — год и словно сто жизней назад — был Браель, не мог не отметить, что трава на холмах, через которые он шагал к Греллаксу в составе колонны вместе с остальной армией — смешанными полками Примакса, Мундакса, Касперы и Терракса — была сочнее, чем та, что росла на его равнинной родине на севере. Скот на таком корме давал бы жирное молоко и плотное, хорошее мясо.

Греллакс процветал настолько, что мог себе позволить раскинуться за пределы своих древних, рассыпающихся стен. Дома, стоявшие за стеной, сейчас горели, сами стены — разрушены, камень разбит в пыль машинами уничтожения, которым не было места в этом мире.

Здания старых кварталов Греллакса были надёжными постройками из камня, добытого где-то не здесь, крыши покрыты красной черепицей — ещё один признак богатства местных жителей. Браель и Феллик бежали вдоль одной из широких улиц, проходившей через центр города по чему-то вроде района лавок и таверн — места, предназначенного дать греллаксам возможность потратить свои денежки.

Однако, когда три разбитые армии собрались за городом с намерением пополнить запасы продовольствия и двинуться дальше смешанной колонной, жители Греллакса быстро побросали те пожитки, что смогли собрать, на тот транспорт, что смогли найти, и присоединились к хвосту колонны. Она ушла за два дня до того, как последняя армия — как оказалось, та, в которой шёл Браель, — прибыла в город.

Браелю пока везло — везло больше, чем положено любому нормальному человеку, если верить некоторым, — но он понимал, что это долго не продлится. Его с своими людьми назначили в арьергард.

Поравнявшись с Фелликом, Браель вытянул руку — левую, на которой не хватало первых двух пальцев, отрубленных в стычке при отступлении через Корносский лес, густую лесистую местность, которая отмечала границу между баронствами Касперы и Винары — и хлопнул по плечу широкого примакса.

— Не останавливайся! — крикнул Браель.

— Да я и не собирался! — ответил Феллик, не отрывая глаз от улицы впереди.

Улицу обрамляли лавки, в которые больше никто не зайдёт, таверны, в которых больше никогда не поднимутся кружки. Двери распахнуты, некоторые сорваны с петель, словно владельцы выбили их, торопясь убраться из дома. А учитывая, что Браель повидал за год, с тех пор как с неба падали звёзды, он мог понять почему.

Горловой рык раздался с конца улицы, сзади. Оба непроизвольно ускорили бег.

— Слишком рано! — прошипел Феллик сквозь зубы. До рыночной площади, к которой они бежали, оставалось ещё пол-улицы.

Браель услышал второй нечеловеческий окрик, затем короткий металлический лязг.

— В укрытие! — крикнул он, резко кинувшись влево, врезавшись в Феллика и толкнув того в сторону распахнутых дверей таверны.

С конца улицы раздалась жуткая какофония: кашляющий рёв многоголового зверя, пожирающего этот мир. В тот момент, когда Феллик вломился в главный зал таверны, Браель уже знал, что будет дальше.

Пули с грохотом пропахали борозду по мостовой сзади, выбрасывая фонтаны осколков булыжников и утопанной земли под ними. За мгновение перед тем, как пересечь порог таверны, Браель рискнул бросить взгляд вдоль улицы.

Двое из них бросились к нему, стреляя с бедра, патронные ленты бряцали на бегу поперёк широких, мощных торсов. Они были похожи на ожившие статуи — статуи, вырезанные из тёмно-зелёных валунов, выброшенных на берег из самых глубоких глубин океана. Клыки, как у морских коров, что ежегодно мигрировали из ледяных северных морей, торчали из нижних челюстей, и даже на таком расстоянии и при таком мимолётном взгляде Браель мог поклясться, что увидел багровый огонь злобы в глубоко сидящих глазах.

Новая очередь из словно стреляющих самих по себе ружей, которые враги держали столь запросто, хотя даже чтобы поднять одно, потребовалась бы вся мощь сильного мужчины, разнесла дверной проём в щепки через секунду после того, как Браель исчез внутри.

Таверну разнесли во время эвакуации. Кувшины, бутылки и кружки валялись разбитыми, столы и стулья перевёрнуты. Люк в полу за барной стойкой открыт, сильный запах разлитого эля поднимался из погреба. Хозяин явно не собирался оставлять свои запасы на поживу захватчикам.

Феллик, опередив Браеля, побежал через питейный зал параллельно улице так быстро, как мог. Грохот самострельных ружей зеленокожих продолжал бить по ушам, летящие щепки секли кожу и впивались в лицо — выстрелы прошивали насквозь дранку и штукатурку фасада таверны. Пули пролетали через зал и пробивали заднюю стену, материал здания едва замедлял их полёт. Столбы и поперечины прорубало насквозь, словно молодые деревца с одного удара топора. Издавая лопающийся хор скрипа, бар начал оседать внутрь по пятам бегущих людей.

Впереди стояла торцевая стена. К облегчению Браеля, в середине была дверь.

— Надеюсь, это не чулан для швабр! — крикнул Феллик, стараясь перекрыть разрывающий уши грохот оружия зеленокожих. Через два шага он обрушился на дверь, опустив левое плечо для удара.

Дверь вылетела наружу, вынеся Феллика с Браелем в узкий проулок. Поворот налево увёл бы их от улицы, по которой они бежали и по которой, они знали, наступали захватчики, всё ещё поливая таверну пулями и разнося её буквально в щепки. В тот момент, когда то, что осталось от крыши таверны, рухнуло внутрь с сокрушительным треском, выбросив облако пыли и обломков через боковую дверь, Браель и Феллик повернули направо.

Оба рванули от выхода из проулка через всю главную улицу, кидаясь влево-вправо, изо всех сил стараясь представлять из себя пару трудных мишеней для зеленокожих, которые перестали стрелять, когда рухнула крыша. Уловив запах брожения, они как раз собирались порыться в обломках, когда опять

появились люди.

Браель и Феллик неслись по улице, их пути пересекались снова и снова, мимо других брошенных лавок, заведений аптекаря и мясника-хирурга. Было важно, чтобы зеленокожие не теряли их из виду надолго. Несмотря на опасности усеянной обломками улицы, Браель рискнул ещё раз оглянуться. Преследователи заметили их: они уже поднимали свои самострельные ружья. А у них за спиной Браель увидал ещё три огромные фигуры, прокладывающие себе путь через дальний конец улицы.

Идите, идите все, звал их про себя на бегу Браель. Впереди улица открывалась на рыночную площадь. Мы пропитаем нашу землю вашей кровью, прежде чем отдадим её.

Греллакс достался захватчикам почти сразу же, как только их военный отряд появился на горизонте. Хотя это был не более чем авангард армии, которая неуклонно двигалась на юг, сжигая, грабя и разоряя всё на пути, внешний вид тварей, рёв боевых машин, более громкий и жуткий, чем самого большого железного каравана, и вонь масла и дыма, которая вскоре достигла городских стен, заставили не одного защитника Греллакса обделаться со страха. Браель знал, что они чувствовали.

Первый раз Браель увидел захватчиков, когда находился в составе роты ополчения среди многих других на фланге Касперских объединённых рот. Он сумел сохранить самообладание до конца сражения. Касперские бароны, с детских лет учившиеся войне по романтическим бредням, решили встретить захватчиков на широком поле, окаймлённом низкой горной цепью с запада и широкой, быстрой рекой с востока. Истории о боевых машинах, изрыгающих дым и мечущих громы, были проигнорированы как бредни сумасшедших.

Когда показалась армия зеленокожих, бароны ждали, что те остановятся, возможно, проведут переговоры перед сражением, как того требовал героический кодекс. Последнее, чего они ждали от захватчиков, так это того, что те увеличат скорость, сокращая дистанцию между армиями быстрее, чем галоп лошади; ревушие колёсные машины испускали чёрный дым, самострельные ружья рывкали смертью.

Браель, вместе с остальной ротой, бросился бежать, прежде чем захватчики достигли их линии. Они оставили двадцать человек мёртвыми на поле, в телах зияли дыры, пробитые пулями зеленокожих, которые те выпускали с невероятного расстояния. Рота остановилась, только добравшись до укрытия среди деревьев, обрамлявших берег реки. Там самообладание покинуло Браеля, и его неудержимо вырвало в светлые, прозрачные воды.

В тот день Браель выучил ценный урок — год назад, если считать до прибытия в Греллакс: не встречаться с захватчиками в регулярной битве на открытой местности. Если бы только бароны выучили тот же урок.

Небольшие боевые машины атаковали Греллакс первыми, гоня на двух или трёх толстых колёсах, оставляя за собой облака дыма и сторовшего масла. Самострельные ружья строчили и рывкали из бойниц в кузовах машин или с отдельных стрелковых установок позади ездоков или в боковых колясках. Некоторые нападавшие швыряли заряды взрывчатки в старые стены города, второпях залатанные в ожидании атаки и удерживаемые в основном теми греллаксами, кто был слишком стар или глуп, чтобы уйти, при поддержке небольшого числа более опытных бойцов. Выстрелы нападавших наносили достаточно урона, пробивая древнюю кладку насквозь и кромсая тела укрывшихся за стенами; взрывчатка проделала в укреплениях дыры, в которые могли бы проехать одновременно две телеги с быками.

Когда машины отступили, вперёд побежали пешие бойцы, некоторые поливали стены огнём из ручных самострельных ружей, которые были не намного меньше и легче тех, что стояли на двух— и трёхколёсниках. Защитники могли ответить лишь из горстки пороховых мушкетов, чьи круглые свинцовые пули отскакивали от пластин металла, закрывавших чудовищные зелёные тела нападавших. Парочка древних пушек, стоявших раньше на главной площади города долгие поколения, нанесли больше урона, пока одна, а затем и другая не взорвались, то ли из-за трещины в старом стволе, появившейся от внезапной нагрузки, то ли из-за неумелого заряжания испуганным расчётом. Причины никому не были известны, да и не интересны. К тому моменту большинство защитников сбежали со стен, чтобы начать гадкий процесс уличных боёв, изо всех сил стараясь оттянуть неминуемое. Потерю Греллакса. Которая была лишь вопросом времени.

Браель и Феллик бежали через рыночную площадь, одну из нескольких, натканных по Греллаксу, окружённых домами торговцев побогаче. На каждом углу трёх улиц, выходящих на площадь, стояли лавки и чаевни, в которых когда-то продавали выпечку и другие лакомства. Теперь парадные двери были распахнуты, обрывки украшений свисали из открытых окон и усеивали площадь — предметы роскоши брошены и позабыты в спешке побыстрее убраться отсюда.

— Пять! — крикнул Браель, словно бы никому, просто в открытые двери и пустые дома. — Подождите, пока они выйдут с улицы!

Браель присел за перевёрнутой рядом с вычурным фонтаном фермерской телегой в центре площади. За ней и за фонтаном уже сидели несколько его людей. Двое из них — Костес и Перрор — были из первой группы сборного ополчения, к которому примкнул Браель, когда начали прибывать караваны беженцев с севера, прибавляя веры к тому, что считалось «лишь сказками». Он знал, что Перрор, в частности, был источником некоторых из этих историй, они сразу начали циркулировать вокруг него, но он не желал ничего плохого, и никто не стал бы спорить, что он хорош в бою.

Костес передал Браелю заряженное ружьё, мешочки с мушкетными пулями и тем, что осталось от его запаса дымного пороха. Браель не хотел рисковать потерей ружья, случись зеленокожим подстрелить его, прежде чем они с Фелликом приведут их к площади. Феллик, однако, не выпускал своего ружья из поля зрения с тех пор, как началась война, и стал суеверно собственническим к оружию. Он был убеждён, что самым верным способом отдать зеленокожим свою голову было не брать с собой ружья,

несмотря на весь его вес и неудобную длину.

Феллик свернул к одному из зданий на краю площади. Браель побился сам с собой об заклад, что это окажется очередная таверна. Как Феллик однажды рассказал ему, пока не пришли захватчики, его жизнь состояла из двух вещей: пива и рубки мяса. Он работал на скотобойнях, которые поставляли мясо благородным домам Примакса. А дома поставляли многих генералов и фельдмаршалов, отступление чьих армий отряд Браеля был назначен прикрывать, и о чьей компетенции и мужестве у Феллика были стойкие и нелестные убеждения.

Феллик исчез в двери здания, и над каменным карнизом окна рядом высунулся ствол.

— Они здесь! — прошипел Перрор.

Браель выглянул из-за телеги. Первая пара преследователей остановилась, сделав несколько шагов на площадь. Они осторожно осматривали вроде бы покинутое место, медленно поводя самострельными ружьями. Браель вознёс безмолвную молитву богам, в которых давно перестал верить, чтобы зеленокожие не заметили ружейный ствол, нацеленный в них с другой стороны площади.

— Ну же, где остальные?

Браель бросил взгляд на Берека, тощего касперца, который сидел на корточках между Перрором и Костесом.

— Ты сказал, что было пять, — прошептал Берек под взглядом Браеля. Костес ткнул его в плечо и, когда Берек повернулся, чтобы возмутиться, приложил палец к губам.

Перрор, смотревший сквозь щель между перевёрнутой телегой и краем фонтана, указал в сторону зеленокожих, затем раскрыл руку ладонью наружу. Пятеро.

— Запалы! — крикнул Браель, глянув из-за телеги, чтобы убедиться, что Перрор не ошибся. Прежде чем убрать голову обратно за телегу, он увидел, как стволы пяти самострелов повернулись в его сторону. Выстрелы разнесли телегу на куски. Браель уже был на ногах, проскочив за спиной Перрора, Костеса и остальных, надеясь, что ему удастся отвлечь огонь зеленокожих на себя, пока он бежит к дальнему углу площади. Для захватчиков он выглядел всего лишь ещё одним убегающим человеком.

Как только веер пуль пронесся у них над головами, обезглавив по пути вычурный каменный фонтан, люди Браеля высунули ружья на край и дали залп. Две мушкетные пули безвредно звякнули по броне зеленокожих. Третья попала одному из захватчиков прямо под вислое, как у собаки, ухо.

Отпустив крючок самострела, тварь схватилась за ужаленное место. Увидев пальцы, испачканные в ихоре, который начинал течь из раны всё сильнее и сильнее, зеленокожий яростно взревел и сменил направление стрельбы.

Люди были уже на ногах, когда возобновившаяся канонада зеленокожих начала откалывать куски от кладки фонтана, а затем потянулась по булыжникам мостовой вслед за ними.

— Разделиться! — крикнул Перрор, затем резко отвернул от остальных, которые тоже принялись совершать внезапные рывки влево-вправо. Берек словно споткнулся, затем неловко отпрыгнул вправо и

тяжело рухнул на камни — вместо спины у него было изорванное месиво.

С трёх из четырёх сторон площади из окон и дверей раздались мушкетные выстрелы. Зеленокожие ответили, отбивая пулями куски кладки от зданий. Хотя, скорее всего, причиной тому были выпирающие из нижней челюсти клыки, которые поднимали вверх уголки толстых верхних губ, но Браелю показалось, что они выглядят почти улыбающимися, словно наслаждаясь тщетными попытками людей нанести им хоть какой-то вред.

Он выстрелил с новой позиции из-за угла того, что однажды было лавкой, продававшей сладкие булочки и выпечку, затем нырнул обратно, чтобы перезарядиться. Сунул пальцы в небольшой кожаный мешочек с мушкетными пулями. Выбрав одну, мимоходом отметил, что осталось всего две. В мешочке с порохом запаса оставалось самое большое на три выстрела.

— Запалы! — крикнул он, перезарядив ружьё, забив пулю и подсыпав на полку несколько драгоценных крупинок пороха. Большая часть порохового запаса отряда пошла на заряды, которые Кобар собрал и установил в домах на дальнем конце площади.

— Кобар, ответь! — снова крикнул Браель. Бывший каменолом с севера сейчас уже должен был быть в укрытии, и скрученные запалы должны были гореть, приближаясь к зарядам. — Запалы! Ты поджёг запа...

Канонада приглушённых взрывов эхом прокатилась по площади. По сравнению с неприкрытой какофонией ненавистных самострелов зеленокожих звучали они жалко. Затем раздался нарастающий рокот и скрежет двинувшейся каменной кладки.

Браель рискнул выглянуть из-за угла. Здания по обеим сторонам улицы, по которой они с Фелликом привели захватчиков, рушились, оседая на землю и выбрасывая в стороны шальные куски камня. Всех, кроме одного, зеленокожих уже накрыла туча пыли и обломков. Нельзя было терять ни секунды.

— Пошли! — завопил он, выскакивая из укрытия. Бросив ружьё там, где прятался, отцепил на бегу огромный мясницкий тесак с пояса — трофей, взятый с зеленокожего при отступлении из Эревелла. Даже не оглядываясь, он знал, что остальные тоже выскочили из укрытий и бежали к одинокому зеленокожему.

Ошеломлённому внезапным поворотом событий, чудовищу потребовалось четыре-пять долгих ударов сердца, чтобы понять, что на него идёт прямая лобовая атака, и решить, как ответить. Наконец, он нажал на спусковой крючок.

Ярран отлетела назад, очередь разорвала её тело практически пополам. Те, кто был ближе всего, с разбегу бросились на землю. По крайней мере у одного всё ещё было ружьё. Пуля бесполезно звякнула по нагруднику чудовища, но отвлекла внимание достаточно надолго, чтобы дать остальным сократить дистанцию.

Зеленокожий смотрел влево, а Браель приближался к нему справа. Он был уже так близко, что видел, как натягиваются жилистые мышцы шеи: чудовище начало поворачивать голову в его сторону. Браель отвёл правую руку назад — так далеко, что тяжёлый тесак угрожал перевесить. Затем, не снижая скорости, выбросил руку вперёд.

Со звуком врубающегося в дерево топора, тесак вошёл в щель между наплечником и похожим на ведро шлемом и впился в шею. Быстро вытащить его для второго удара не было никакой возможности, поэтому Браель отпрыгнул назад, едва не споткнувшись об один из кусков каменной кладки, которые всё ещё сыпались вокруг взорванных зданий.

Браель услышал крик. Тайлор, который был с ними с Эревелла, бежал на раненного зеленокожего, опустив пику и нацелив тяжёлый металлический наконечник в горло твари.

Наконечник высек искры из кромки нагрудника и воткнулся в глотку. Горький опыт научил агранцев, что шкура у хватчиков толстая и жёсткая, как хорошо выделанная кожа. Чтобы пробить её, нужно было бить с полной уверенностью, что второго шанса не будет.

Остриё пики Тайлора остановилось, лишь уткнувшись в массивный столб кости и хрящей, на котором держалась голова с лопатой челюсти. Зеленокожий рухнул там, где стоял, ревя от боли и пытаясь остановить хлынувшую из раны волну ихора.

Опасаясь последних рефлекторных движений врага, Браель обошёл откинутую руку, всё ещё сжимавшую огромное самострельное ружьё, выдернул тесак и повесил обратно на пояс. И хотя в ушах всё ещё шумела кровь от взрывов и лобовой атаки на зеленокожего, до него дошли звуки других стычек.

Пыль от взрывов почти осела. Двух зеленокожих нигде не было видно — засыпало, обломками, решил Браель. Им повезло больше, чем они ожидали. Из оставшихся двоих, одного завалили почти тем же самым путём, как тот труп, что лежал у ног Браеля. Феллик, соответственно, руководил расправой над всё ещё дёргающимся вторым зверем.

В последнем зеленокожем оставалось ещё достаточно жизни, несмотря на две пики, пригвоздившие его к разрушенной стене здания неподалёку: остриё одной застряло в плече, второе — там, где у человека находятся нижние рёбра. И хотя трое из людей Браеля и парень, которого Браель не узнавал, наваливались на древки пик всем телом, удерживая тварь на месте, зеленокожий продолжал реветь и рычать, пытаясь ухватить своих мучителей, затем потянулся за самострельным ружьём, которое, должно быть, выронил, когда наконечники пик нашли свою цель.

Что-то начало дёргать сознание Браеля, когда он нагнулся осмотреть труп у ног. Дёрганье, может быть, было и раньше, но шум и смятение битвы заглушали его.

Вот. Браель заметил громоздкий пистолет, всунутый за один из широких ремней, обхватывающих талию толщиной с дерево. Курок ему удалось взвести только двумя руками. Держа пистолет на манер обреза, Браель подскочил к пойманному ревущему зверю.

Зеленокожий начал слабеть от боли и кровопотери, но до смерти ему было далеко. Видя приближающегося Браеля, Феллик и несколько других начали кричать, отвлекая внимание зверя влево. Браель шагнул справа и прижал пистолет к зелёному черепу, прямо под ухом. Не собираясь ждать, чтобы увидеть, как отреагирует тварь, он приготовился к отдаче и спустил тугой курок.

— Пора уходить, — сказал Браель Феллику. Большая часть бойцов обчищала зелёные трупы от того, что было достаточно лёгким, чтобы быть полезным: ножей, больших и длинных, как короткие мечи, рубящего оружия, как тот тесак, что Браель носил на поясе, разнообразных кусков брони и толстых, широких ремней, сделанных из кожи животного, которое никогда не ступало на Агру.

Костес и Перрор решили забрать с собой одно из самострельных ружей и столько лент с патронами, сколько сможет унести весь отряд. Они выбрали самое лёгкое ружьё и деловито распределяли среди остальных патронные ленты.

— Ты в порядке? — спросил Феллик. Ему уже было знакомо выражение лёгкой тошноты у Браеля. Тот кивнул и повторил:

— Пора уходить.

Дёргавшее нечто, царапавшееся у границ сознания, стало сильнее и настойчивее. Когда он вернул Феллику озабоченный взгляд, жёлчный жёлтый пузырь взорвался у него позади глаз, разросшись и заполнив половину поля зрения, прежде чем исчезнуть.

— Уводи их, — добавил он, махнув Феллику. Феллик кивнул, затем пошёл, криком призывая отряд приготовиться к уходу.

— Я что-то слышал!

Это был парнишка — точнее, юноша, лет семнадцати. Браель подумал о Броне и тут же пожалел об этом.

Парень указывал на груды тяжёлых булыжников рядом с собой.

— Я что-то слышал, — повторил он. — Здесь что-то шевелится.

— И что прикажете делать, когда они не хотятдохнуть, даже если на них уронить дом? — спросил Кобар. Несколько бойцов рассмеялись.

— В следующий раз клади больше пороха, Кобар! — крикнул Тайлор, вызвав новый приступ веселья.

— Брось, парень, — крикнул Феллик. — Нас давно тут не будет, когда они выползут оттуда.

— Вы уходите? — юноша, похоже, не верил своим ушам. — Но... но вы же здесь, чтобы защищать нас!

Его слова вызвали самый громкий хохот.

— Извини, парнишка, — сказал Костес. — Нас оставили здесь помирать как можно дольше, чтобы остальная армия могла убраться как можно дальше.

— И теперь мы уходим, верно? — последние слова Феллика были адресованы Браелю, который, несмотря на кружащуюся голову, сумел выдавить неуверенный кивок.

— И быстро, — ответил он. — Очень быстро.

Они уходили с площади бегом, большинство позвякивало трофейными патронными лентами, Костес и Перрор уже проклинали тяжесть самострельного ружья, которое тащили с двух сторон. Пронзительный свист порезал воздух, становясь всё громче и ниже тоном.

На рыночной площади сдвинулась каменная плита. Соскользнула с груды обломков, открыв

зеленокожую кисть с пальцами толщиной в руку ребёнка и мощное предплечье, увитое мышцами и покрытое грубыми татуировками. Задыхающийся звук раздался из-под кучи — звук существа, умирающего с раздавленными внутренностями. Но столь страшные раны никак не могли заглушить пылающую инстинктивную ярость твари, её всепоглощающее желание убивать.

Из своей уже готовой могилы тварь услышала свист приближающегося снаряда и поняла, что её Вааа! подошла к концу.

Земля подпрыгнула под ногами бегущих. С домов вокруг посыпался шифер, разлетаясь на булыжниках мостовой под ногами. Юноша, которого звали Викор Лодзь, оглянулся на бегу. Всё, что он увидел, — огромное накатывающее облако пыли, несущееся по улице к нему.

Когда пылевое облако накрыло их, люди продолжали бежать, кашляя и отплёвываясь. Оставив его позади, не снижая хода, неслись по земле, которую продолжало трясти от грохота других попаданий. Обстрел начался.

— Я думал, они потратят хотя бы немного времени, чтобы пограбить, прежде чем сровнять это место с землёй, — сказал Тайлор. Они наконец-то остановились на другой площади, поменьше. Улицы в этой части города были узкими, как и дома, которые словно склонялись друг к другу над улицей. В центре площади стоял алтарь для обетов младшему божеству урожая. Викор Лодзь неожиданно понял, что от родного дома его отделяют всего несколько, хотя вся его семья — лишь мать и сестра, на самом деле — присоединилась к каравану повозок, который ушёл вместе с солдатами.

— Наверное, они решили, что смогут вернуться и пограбить в любое удобное время, — проворчал Томбек, крепкий винарец с меланхолической жилкой. — Не похоже, что кто-то попытается им помешать.

— Я думал, что это была ваша — в смысле, наша — задача, — выпалил Викор. — Я думал, мы собираемся их остановить.

Абсурдность собственных слов поразила его, не успели они вылететь изо рта. На этот раз, однако, никто не засмеялся. Что только заставило Викора почувствовать себя ещё хуже.

— Боюсь, тут мы закончили, парень, — сказал Браель. — Теперь всё, что мы можем сделать — это оставаться в живых столько, чтобы убить ещё сколько-нибудь этих.

— Пойдём через южные ворота, вслед за армией? — спросил Костес. Сборная колонна армий и караван беженцев собирались здесь, готовясь к отбытию. Браель потряс головой, больше чтобы вытряхнуть дёргающую боль, чем в ответ на вопрос Костеса.

— Даже слепой сможет пойти по их следу. Ты видел, как быстро ездят те двухколёсные повозки. Они догонят нас ещё до заката. Я видел карту во время инструктажа арьергарда. Река проходит через эти земли на другой стороне холмов к югу. Армия направляется к мелкому броду, чтобы можно было перетащить повозки. Они ушли полтора дня назад, значит, они уже недалеко от переправы. Там была ещё одна переправа помечена на карте, дальше к юго-востоку. Поглубже и пошире, но нам не надо переправлять повозки и лошадей.

— Но нам всё равно придётся уходить через южные ворота, так что выдвигаемся.

Остальные кивнули.

Викор поднял руку:

— Вам — нам — не придётся идти через южные ворота. Мы можем пройти через скотопригонные дворы. Так будет гораздо быстрее, и мы уже будем двигаться на юго-восток.

Браель поглядел на него секунду, вздёрнув голову, словно слушая чей-то шёпот из-за плеча. Затем кивнул.

— Отлично, юноша. Веди.

Ведя незнакомцев через дворы, чьи широкие ворота отступающая армия не потрудилась запереть, мимо навесов мясницких палаток и через открытые кровосточные канавы, что пересекали крест-накрест выложенный плитами пол, Викор думал о матери и сестре, съёжившихся на одной из повозок, которая, должно быть, сейчас тряслась по разбитой колее вслед за армией. Сердце проваливалось от мысли, как изрыгающие дым машины захватчиков догоняют повозки гражданских в хвосте колонны.

— Да лана, парень, — идущий рядом Кобар, с бряцающими поперёк груди трофейными боеприпасами и пикой на плече, хлопнул Викора по спине. — О чём бы ты там не думал — не переживай. То, что случается на самом деле, всегда бывает ещё хуже.

Ориентируясь по высоте и направлению солнца, отряд Браеля двигался быстрым шагом на юго-восток. Выбранный курс вёл их через овраг среди медленно поднимающейся гористой местности. По нему когда-то мог течь приток реки, к которой они направлялись, но приток высох несколько поколений назад. По обе стороны от них возвышались склоны, и звуки артобстрела, колотившие в спину, когда они оставляли обречённый Греллак, постепенно становились тише.

Овраг поворачивал вдоль подошвы низкого холма, уводя людей Браеля с прямой видимости Греллакса. Прежде чем город скрылся из виду, Викор оглянулся. Султаны дыма поднимались над домами, подсвеченными изнутри сполохами пламени, и над разрушенной городской стеной. Ветер переменялся, и ему показалось, что он уловил запах горящего дерева и кое-чего ещё — острый запах масла.

Он вспомнил свою вспышку перед незнакомцами, с которыми теперь шагал, и ощутил приступ стыда. Греллак был мёртв задолго до того, как он это понял. Зеленокожие всего лишь сжигали его труп.

Феллик крикнул ему не отставать, и он поспешил вслед за новыми товарищами.

Опустился закат, и они двинулись по оврагу в ночь. Луна уже бледнела, когда слуха коснулся звук бегущей воды. Они устроили лагерь в лесополосе, недалеко от крутого, поросшего тростником берега, и Браель выделил людей разведать местность в обе стороны. Только когда разведчики вернулись с докладом, что берег пуст в обе стороны и, насколько они могли сказать, на той стороне реки тоже, Браель разрешил развести небольшой огонь. Кто-то достал небольшую, помятую жестяную банку и горсть чайных листьев. Кто-то ещё — несколько полосок мяса, утянутых из палатки мясника на скотопригонном дворе.

Смешанные запахи чая и жареного мяса поплыли по воздуху, а Виктор рассказывал свою историю: после того, как он проводил мать и сестру — своих единственных родных, после того как отец умер от неизлечимой болезни полтора года назад — с караваном, который ушёл из Греллакса вслед за армией, ему вручили пику и назначили в резервный взвод. Они должны были усилить оборону участков стены там, где будет необходимо. Он и ещё несколько других направлялись туда, когда рядом что-то взорвалось, смешав всё — даже его воспоминания. Он помнил кровь и крики, и пустое, отсутствующее выражение на лице старого друга, который лежал под стеной, половина груди — мешанина кровоточащего мяса и обнажившихся костей. Он помнил не много из того, что случилось после, пока не обнаружил себя на рыночной площади, где Кобар руководил закладкой взрывчатки.

— А мы изображали приманку, — сказал Феллик. — Браелева идея, само собой.

— По мне, так чистое самоубийство, — сказал Массау. Виктор заметил, что стройный мужчина с тем, что когда-то было аккуратно подстриженными усами, нависавшими над верхней губой, не разделял чувство товарищества с остальными.

— Браель не дурак, — ответил Костес. — Он, наверное, самый надёжный из нас всех.

— В смысле? — спросил Виктор.

— Деревенские суеверия! — ядовито усмехнулся Массау, прежде чем кто-то успел ответить. Остальные одарили его взглядами, которые разнились от жалости до презрения.

— Тебя не было с нами у Эревелла, — сказал Перрор. — Там нас было двадцать, прежде чем дела пошли по-настоящему плохо. Десять из нас Браеля не слушали.

— Совпадение! — зашумел Массау.

— А почему мы не остались на площади, обчищая зеленокожих, когда посыпались снаряды? — спросил Костес. — Тебе, конечно, мало пользы от того, что не нельзя записать в гроссбухи своей гильдии, но ты сейчас не в Примаксе, ты...

— Я согласен с Массау.

Все резко обернулись. Браель стоял за ними и слушал, никем не замеченный.

— Мы создаём своё везение, держа глаза и уши открытыми для того, что может нас убить... — он оглядел своих людей, их лица отражали свет костра. — А потом мы делаем так, чтобы убить их первыми!

Люди засмеялись и закивали. Браель заметил, что Массау не уловил смысла: примаксец принял самодовольный вид, уверенный, что Браель поддержал его в споре. Всё, что о чём заботился Браель, — сделать так, чтобы его люди направляли свою ненависть на зеленокожих, а не друг на друга.

Он отошёл от огня. Глядя вверх деревьев, увидел, что небо почти безоблачное и звёзды сияют, как драгоценные камни. Что напомнило ему о такой же ночи год назад. Но он заставил себя думать о предстоящем пути, который им нужно было пройти, чтобы догнать остальную армию.

Было слишком легко начать думать о Вике и Броне, представлять, какова стала их жизнь после того, как он посадил их в открытую повозку железного каравана и помахал на прощание, когда караван отправился. Было слишком легко представлять, что бы он почувствовал, когда увидел бы их снова, среди

толп людей, собравшихся за высокими стенами Маллакса к тому моменту, когда Браель со своими людьми доберется туда.

Если бы только он не проснулся меньше чем через месяц после их отбытия, охваченный чётким и уверенным знанием, что они мертвы.

Рассвет уже начал красить небо, когда остатки огня забросали землёй, и отряд спустился к берегу. Вода поднималась до середины груди и бежала быстро и мощно по скользким округлым камням. Викор нашёл её шум странно успокаивающим — напоминанием о естественной природе после оглушительного грохота адских машин зеленокожих. Птицы, невидимые в кронах деревьев, начинали песнями приветствовать новый день.

Отряд осторожно двигался через реку, держа мешочки с порохом над головой и нащупывая ногами самые крупные камни на дне. Браель шёл первым. Полусъехал по крутому берегу в ледяную воду, протолкнулся сквозь жёсткий тростник и начал бороться с сильным течением, стараясь удержать равновесие и всё время нащупывая дорогу ногой. Вода поднялась до груди, прежде чем дно реки наконец-то начало подниматься к более отлогому и меньше заросшему тростником противоположному берегу.

На той стороне Браель закрепил вокруг ближайшего дерева веревку и перебросил обратно Кобару, который ждал, стоя по пояс в воде. Он и остальные воспользовались верёвкой, помогая себе удерживать равновесие в сильном течении. Браелю, с его покалеченной рукой, от веревки было бы мало пользы.

Местность вокруг медленно повышалась, по мере того как они отходили от реки, укрываясь за жёстким низкорастущим кустарником и редкими, покрытыми мхом валунами. Скатились ли они сюда с холмов столетия назад, или их оставили тут древние паводковые воды, Браель не пытался отгадать. Снова руководствуясь солнцем, он старался вести отряд в юго-западном направлении, которое привело бы их обратно к идущему на юг маршруту армии. Это предполагая, что он помнил карту правильно — видел он её всего секунду: младший барон, который вёл инструктаж, не предполагал, что те, к кому он обращается, останутся в живых.

Постепенно рокот реки позади стихал, и некоторое время они двигались в тишине. Травянистая равнина мягко колыхалась под ногами, сохраняя небольшой возвышающийся уклон. Лишь глухой стук снаряжения, которое они несли, отмечал проходящее время.

Солнце достигло верхней точки, когда до них донеслись новые звуки: низкий рокот. Сначала Викор принял его за далёкие раскаты грома, хотя до сезона бурь было ещё два или три месяца. Взгляд на лица спутников заставил его переменить своё мнение.

— Дистек! Клив! — позвал Браель и побежал вперёд. Дистек, фермер, как и Браель, и Клив, торговец выделанными кожами, скинули патронные ленты и бросились за ним, вскоре исчезнув в лесополосе, отмечавшей гребень долгого холма, на который отряд поднимался всё утро.

Те, кто остался, шагу не сбавили. На ходу проверили снаряжение, своё и других; те, у кого были ружья,

зарядились и раздули запалы. Костес и Перрор принялись спорить, как лучше устанавливать самострельное ружьё.

Солнце миновало полдень, когда показался встревоженный Дистек. Он махнул отряду, затем развернулся и убежал туда, откуда пришёл. Остальные бросились вверх за ним. Рокот, который Викор принял за гром, уже давно превратился в разрывы, перемежаемые кашляющим треском самострельных ружей и низким рычанием двухколёсных боевых машин.

Они миновали полосу деревьев и неожиданно обнаружили, что земля резко понижается, сходя в пологую долину, тут и там усеянную островками деревьев. На противоположной стороне долины стоял более высокий холм, его вершина терялась в голубой дали. Браель с Кливом стояли у края откоса и смотрели вниз на побоище.

Мёртвые тела валялись по всей долине: несколько зеленокожих, гораздо больше агранцев. Деревья и кусты горели, земля словно обуглилась под прошедшими по ней машинами, убивающими всё на своём пути. Группа двухколёсных машин догнала колонну сзади, паля без разбора сперва в битком набитые повозки, затем в пешеходов. Погонщики повозок хлестали лошадей, гоня их галопом к краям долины. Машины гнались за ними, всаживая выстрел за выстрелом в повозки и вопящих беженцев внутри. Трупы и разбитые телеги усеивали дно долины вдоль и поперёк.

Небольшая группа верховых развернула коней, чтобы встретить приближающихся зеленокожих. Впрочем, результат был предсказуемым: разорванные и искалеченные тела людей и их скакунов валялись среди тел других ополченцев, пытавшихся отразить внезапное нападение.

Браель вспомнил первый урок, которому научился: не встречаться с захватчиками в регулярной битве на открытой местности.

Он насчитал четверых оставшихся в седле. Всадник, чей пурпурный плюмаж на шлеме выдавал в нём примакского гусара, петлял меж двух перевернутых разбитых повозок, бросая коня то вправо, то влево, избегая огня зеленокожих, пока ему наконец не удалось обойти с фланга одно из двухколёсных чудовищ и не насадить его ездока на кавалерийское копьё. Зеленокожего сбросило с седла, машина унеслась прочь, стрелок в коляске отчаянно пытался ухватить руль.

Очередь с другой машины оборвала победоносный момент гусара. И он, и его скакун пали на землю, крупнокалиберные пули оставили в их телах зияющие дыры.

Видя это, три оставшихся всадника развернули коней и галопом поскакали к дальнему краю долины, пропав среди шлейфов дыма, тянущихся от погребальных костров из разбитых повозок и обугленных тел.

Поддав газу, зеленокожие с рёвом бросились вслед за всадниками, колёсные боевые повозки сокращали дистанцию с невероятной скоростью, ездоки завывали, ощерившись зверскими ухмылками, пока так же не исчезли в покрытой дымом дали.

— Они, должно быть, ждали, что мы сбежим, — пробормотал Браель. Феллик подошёл и встал рядом. Весь отряд смотрел в молчании, мгновенно приросший к месту. — Должно быть, послали разведчиков вокруг Греллакса, пока основные силы шли через город.

— Но как они обнаружили колонну так быстро? — спросил Феллик. — Я понимаю, что они оставляли след будь здоров, но любому отряду разведчиков сначала пришлось бы покрыть достаточное расстояние...

Над головой пронеслась широкая тень. Все непроизвольно присели. Тайлор первым глянул в небо.

— Боги урожая и дома! — выдохнул он. — Этого не может быть... Это... это дьявольщина!

Летающая машина грациозно уносилась прочь, направляясь через поле боя. Она выглядела не более чем детским воздушным змеем, только сделанным в большем масштабе: каркас из распорок и рёбер, грубо связанных вместе и покрытых полотнищем ткани, который каким-то образом ловил ветер и держал всю конструкцию в воздухе. И, вися лицом вниз в обвязке под крыльями — зеленокожий.

— Теперь я уверен, что нам конец! — сказал Томбек.

— Не могу поверить, что тебе понадобилось столько времени, чтобы это понять, — ответил Клив.

И словно вид невероятной машины — каким-то образом более невероятной, чем приводимые в движение моторами колесницы, самострельные ружья и само существование зеленокожих захватчиков, пришедших с небес — сломало какие-то замки в Викоре. Последние воспоминания о матери, обнявшейся в повозке сестрой, Фрейтой, и женщиной, которую он не узнавал, промелькнули перед глазами. Опустив пику, он бросился вниз по откосу в долину.

— Идиотишка решил убиться, — объявил Массау.

— Где-то там внизу его семья, — ответил Браель. Он повернулся к отряду: — Как бы там ни было, нам нужен транспорт, чтобы выбраться отсюда.

Он ткнул пальцем в Клива и Томбека, те кивнули и отправились вниз.

— Остальные, посмотрим, сможем ли забрать с собой кого-то из выживших.

— Корфе, — заикнулся Массау, — ты что, серьёзно хочешь...

— Она возвращается! — прервал Тайлор цеховика. Те, кто собрался вокруг Браеля, проследили за его рукой. Летающая машина набрала высоту, затем развернулась и легла на обратный курс.

— Она даст знать своим друзьям на земле, что мы здесь, — заметил Феллик. — Может быть, нам стоит убраться?

— Именно это я и... — начал Массау.

— Зеленокожий в ней вряд ли несёт много брони, — сказал Браель, больше про себя. — Не станешь же ты загружать машину лишним весом, когда его и так там достаточно?

Сказав это, Браель скинул с плеча мушкет. Почти непроизвольно те, у кого тоже были ружья, сделали то же самое. Восемь стволов нацелились вверх.

Зеленокожий в летающей машине, должно быть, понял, что они задумали. Управляя набором шкивов, тросы от которых свисали перед ним с каркаса планера, он начал менять курс. Но, однако, было уже поздно. Мушкеты грохнули в унисон, несколько пуль пробили крошечные дыры в ткани крыльев, ещё

несколько попали лётчику в морду и грудь.

Отряд Браеля наблюдал, как летающая машина завалилась набок, быстро теряя высоту, и рухнула на землю в середине откоса и немного влево. Раздалась пара одобрительных возгласов, но Браель уже перезарядил оружие и отправился вниз.

— Как думаете, сможете нас прикрыть? — крикнул он Костесу и Перрору, которые связывали вместе две пики в качестве подставки для самострельного ружья. Кобар последним сложил у их ног патронные ленты, которые отряд нёс из Греллакса, затем последовал за Браелем в долину.

Клубы дыма из горящих повозок плыли по дну долины. Викор немного взял себя в руки и теперь передвигался по полю боя, прячась за разбитыми повозками.

— Фрейта! — позвал он сестру, зная, что мать она не оставит. Но всё, что он слышал, — звук словно неиссякаемого оружия захватчиков и рёв их машин.

Тень, ростом выше человека, вырисовалась из дыма. Викор инстинктивно отпрянул и выставил пику. Конь без всадника, истекая кровью из нескольких ран, галопом проскакал мимо. Викор услышал мушкетные выстрелы далеко справа и подумал, не Браель ли это с своим отрядом спустился вслед за ним на поле боя. Дым, похоже, становился гуще, и вонь, как от жареной свинятины, плыла по воздуху.

«Я уже умер, — сказал он себе. — Я уже умер, а это то место, где проклятые проводят вечность».

— Сюда! Быстрее! — орал Феллик небольшой группке сжавшихся под перевёрнутой повозкой ополченцев и гражданских. Он ткнул пальцем в сторону повозки, которую Клив и Томбек сумели поставить на колёса. Клив, бывший в некотором роде наездником в более мирные времена, успокаивал лошадей, которые не сумели вырваться из упряжи, когда повозка перевернулась.

Опустившись на корточки позади повозки, Феллик схватил одного из солдат за воротник и закричал ему в лицо:

— Оружие! Порох! У вас есть какое-нибудь оружие или порох?

Ополченец — единорог на наплечном гербе выдавал в нём члена Мундакского резерва — мгновение тупо глядел на Феллика, затем всё-таки потряс головой.

— Повозка с порохом получила прямое попадание, — запинаясь, произнёс он. — Потеряли всё. Ничего не осталось. Ни пуль. Ни пороха.

— Тогда возьми вот, — Феллик отцепил с пояса старый мясницкий нож. — Мы идём вон к той повозке. Видишь?

Он снова ткнул пальцем. Подошли Тайлор и Лоллак с парой выживших. Ополченец кивнул и взял нож.

— С-спасибо, — пробормотал он.

— Не за что, — ответил Феллик. — Давай за мной, и бери своих друзей.

Браель бросился на землю, мимо с рёвом пронеслась машина, стреляя вслепую по дымовой завесе. Всякий стратегический замысел, даже если он у них был, зеленокожие, похоже, отбросили: они продолжали носиться по полю, паля в каждую тень просто ради удовольствия.

— Массау, ты в порядке? — крикнул Браель, вытянув шею и обшаривая взглядом округу в поисках цеховика, но не нашёл и следа. Он чертыхнулся. Массау был пустым дураком, но при этом был и хорошим стрелком, и Браелю не хотелось лишаться его мастерства.

Рёв боевой машины затих, Браель осторожно поднялся на ноги. Длинное ружьё неловко балансировало в левой, увечной руке, правая сжимала трофейный тесак. Громоздкий пистолет, из которого он казнил зеленокожего в Греллаксе, давил на спину, засунутый за пояс сзади. Браель двигался тихо, всеми чувствами пытаясь уловить любые движения вокруг.

Справа раздался выстрел: короткий раскат, вспышка и гудение пули, едва не зацепившей ухо. Браель пригнулся, быстро метнулся в одну сторону, затем вперёд и в другую, что привело его за спину стрелку.

Ей было, наверное, лет шестнадцать, сидевшей в обнимку с телом старой женщины. Она повела разряженным пистолетом, развернувшись к Браелю, как только тот появился из-за завесы дыма.

— Он пустой, — сказал Браель, и ему тут же пришлось выбить оружие у неё из руки — она кинулась, пытаясь ударить его пистолетом как дубиной.

— У меня не зелёная кожа, — сказал он, торопливо цепляя тесак к поясу, затем перехватил её запястье, когда она попыталась вцепиться ногтями ему в лицо. — И у меня нет времени. У нас есть транспорт — или должен быть, — и мы отсюда уходим.

Девушка смотрела на Браеля секунду, затем произнесла единственное слово: «Мама», прежде чем вырваться из его хватки и опуститься обратно рядом с мёртвой женщиной.

— Я обещала, что не брошу её, — объяснила она присевшему перед ней Браелю.

— Она бы этого не хотела, — ответил он. — У меня есть сын, и если бы я был мёртв, я бы хотел, чтобы он продолжал жить. Последнее, чего я хотел бы, — так это стать причиной смерти собственного сына.

Резко сглотнув и вспомнив лица жены и сына в отбывающем железном караване, Браель протянул свободную руку.

Феллик сажал беженцев на повозку. Ополченцы пришли в себя и стояли вместе с остальными вокруг, пока Клив продолжал успокаивающе разговаривать с лошадьми.

— Долго ещё? — спросил Тайлор. Дым рассеивался — повозки уже догорали. Становилось всё вероятнее, что их могут заметить.

— Скоро, — ответил Феллик. Ему не нравилось, что в отсутствие Браеля командование, видимо, перешло к нему. — Дадим им шанс вернуться.

— Вон Массау! — Кобар указал туда, где из плывущего дыма появился цеховик. Массау бежал к ним.

— Уходим! Я потерял Браеля, потом слышал выстрелы, — крикнул Массау, добравшись до повозки.

— Мы совершенно точно не можем рисковать и ждать дольше, — продолжил он между судорожными глотками воздуха.

Томбек выхватил у Массау ружьё и проверил полку.

— Из него не стреляли, — объявил он.

— Я не мог, говорю вам, — залепетал Массау. — Они выстрелили первыми. Я не рискнул даже поднять голову, чтобы прицелиться.

— Ты сказал, что только слышал выстрелы, — упрямо настаивал Томбек.

— Вон там! — крикнул Дистек. Две фигуры бежали к ним сквозь последние клочья завесы плывущего дыма.

— И там! — Лоллак, немногословный бывший кожевник из Терракса далеко на западе, показал в другую сторону, где одинокая фигура тоже бежала к ним. Дым быстро редел, и они разглядели, кто это был. Викор.

— Клив, держи лошадей наготове к отправлению, — приказал Феллик. Тот забрался в повозку и взялся за поводья. — Давай, Викор! Парень, беги!

Викор понятия не имел, как нашёл в дыму обратную дорогу. Он знал лишь одно: он не смог найти мать и сестру. В голове роились мысли о том, как они зовут его, оставленные где-то на поля боя, и не слышат ответа.

Тогда почему он бежит к повозке, которую сумели приготовить к отъезду его новые товарищи? Не должен ли он повернуть обратно и продолжить поиски? Но вернуться, он понимал, значило найти свою смерть. А он хотел жить.

Тот, весёлый, — Феллик — махал ему, подгоняя. И тут, между одним шагом и другим, смерть забрала его, отбросив в сторону изломанным, окровавленным куском, и с рёвом понеслась дальше, чтобы забрать жизни его друзей.

Очередь сбила Викора с ног и прошила воздух. На землю парень упал уже мёртвым. Машина с рёвом

выскочила из дыма позади него. Толстое переднее колесо переехало Викора поперёк, ломая кости, как сухие прутья, и смешивая его с землёй, когда ездок направил машину к повозке.

— Боги, Клив, двигай! — крикнул Феллик.— Всё на борт!

Хлопая поводьями, Клив понукал лошадей. Животным, услышавшим рёв приближающейся машины, никакие понукания были не нужны. Испугавшись, они понесли, таща раскачивающуюся и подпрыгивающую повозку за собой вверх по склону.

Браель толкнул девушку на землю в тот момент, когда Викора прошли пули. Закрыв её своим телом, он смотрел, как юный греллаксец упал, а повозка с его людьми понеслась вверх по склону. Он видел, как Феллик смотрит в его сторону из повозки, вцепившись в прыгающие борта с беспомощным выражением лица. Они вместе прошли через многое, повидали такого, что ни один, ни другой не поверили бы, что это возможно. И здесь, похоже, это всё заканчивалось.

Томбек схватил ружьё Массау и выстрелил в приближающегося зеленокожего. Выстрел ушёл в сторону, и Томбека едва не сбросило с повозки, когда колесо внезапно попало в яму.

Клив лихорадочно хлопал поводьями, отчаянно пытаясь выбить ещё немного скорости из лошадей, чьи бока уже блестели от пота, с задранных губ слетала пена.

Машина, ревя двигателем, с каждым мгновением подбиралась всё ближе. Ездок дал короткую очередь — далёкие выстрелы взрыли землю справа от повозки, осыпав грязью пассажиров.

В повозке все пригнулись, да так и остались, скрючившись в ожидании следующей очереди, которая станет последним, что они услышат. Но следующая очередь чужих выстрелов прогрызла пунктир фонтанчиков, который привел к машине и ездоку. Несколько пуль пробили саму машину, одна взорвала заднее колесо, заставив аппарат резко вильнуть. Ездок пытался справиться с управлением. Затем вторая очередь выбила его из седла.

Неуправляемая машина отвернула в сторону, из пробитых внутренностей текло масло, сдувшееся заднее колесо пропахало борозду в земле. Повозка продолжала нестись вверх по склону, пассажиры смотрели, как зеленокожий с трудом поднялся на ноги, всё ещё сохранив способность двигаться, несмотря на жуткую дыру в груди. Он завыл вслед убегающим людям и сдёрнул со спины толстоствольное ружьё.

Третья очередь с вершины склона пришлась в верхнюю часть тела, отбросив его назад и на этот раз превратив уродливый череп в мешанину мяса и костей. Вытянув ноги в сторону уезжающей повозки, тело всё ещё корчило, словно какой-то оставшийся от ушедшей жизни инстинкт понимал, что добыча уходит.

Клив едва справился с паникующими лошадьми и остановил повозку в нескольких шагах от того места, где Костес и Перрор праздновали победу, крича так, чтобы услышать друг друга сквозь звон в ушах.

Лица и руки покрывала сажа, летевшая от самострельного ружья. Орудие стояло, просунутое сквозь связанные вместе древки пик, из ствола курился дым, вонь горячего масла портила воздух.

Браель вздёрнул девушку на ноги и побежал вместе с ней вверх по склону. Они добрались до повозки, когда самострельное ружьё уже загрузили наверх.

— Рад видеть, — сказал Феллик.

— Взаимно, — ответил Браель. Он оценил число людей, собравшихся вокруг и сидящих внутри. Слишком много, чтобы всем одновременно ехать на повозке, не загнав лошадей меньше чем за день. Как и прежде, они могли двигаться лишь со скоростью самого медленного из пешеходов.

— Кто твоя подружка? — спросил Феллик.

Браель посмотрел на девушку. Высокая и стройная, с тёмными волосами и оливковой кожей местной уроженки. В глазах её ещё оставались следы боевого запала, с которым она пыталась ударить Браеля пустым пистолетом. Выглядевшее древним оружие она подобрала, когда Браель уводил её от мёртвой матери, и теперь пистолет безвольно висел у неё в руке.

— Понятия не имею, — сказал Браель. — Как тебя зовут, девочка?

— Фрейта, — ответила та, — Фрейта Лодзь.

— Мы готовы к отправлению! — крикнул Клив с передка повозки. Женщины и дети из тех гражданских, что нашёл Феллик, сидели внутри, вместе с Перрором и Костесом, которые установили самострельное ружьё стволом назад. Мужчины собрались вокруг повозки, ожидая приказов.

— Нам пора ехать, — сказал Феллик. — Зеленокожие довольно скоро сядут нам на хвост.

Браель кивнул.

— Идём на юг, — сказал он. Теперь, когда армии не стало — полёгшей в долине и рассеявшейся мелкими группами потрясённых битвой выживших на все четыре стороны, им оставалось идти лишь в одно место — в Железный город. Маллакс.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Маллакс был основан над месторождением тех немногочисленных запасов минерального сырья и руды, которые удалось найти на этом по большей части сельскохозяйственном мире. В течение многих поколений упадка, которые начались после потери Агроей контакта с Имперуумом (кросс-ссылка 666/852-ист.: Эра Отступничества), маллаксы добывали эти запасы, перерабатывая сырьё на мануфакториумах в сельскохозяйственный инвентарь и орудия войны.

Когда рудные запасы истожились, мануфакториумы перепрофилировались на ремонт и обслуживание тех имперских артефактов и машин, которые ещё уцелели со времён потери контакта — хотя память об их происхождении и самом существовании Имперуума уже скатывалась в область мифов и легенд. Маллакс стал мастерской мира.

Другие полисы, такие как Примакс (место первого поселения людей на Агре, как гласит городской устав), Терракс и Мундакс, смотрели на Маллакс свысока, несмотря на зависимость от его мастерских, обслуживающих сельскохозяйственную технику и оружие, которым они время от времени воевали в своих незначительных войнах. Однако презрение превратилось в зависть, когда

захватчики прошлись по зелёному континенту Агры. Лишь один город оказался обладателем достаточных запасов оружия — хоть по большей части древнего и не раз отремонтированного, — чтобы надеяться оказать сколь-нибудь существенное сопротивление.

Выдержка из «Инквизиторского коммюнике 747923486/алеф/Самакс-4»

Автор: инквизитор Селена Инфантус

M41.793

Держа старинный фонарь в увечной руке, громоздкий пистолет зеленокожего — в здоровой, Браель двигался по туннелю под городом так быстро, насколько осмеливался. Если пол туннеля за прошедшие столетия был вытерт подошвами бесчисленных ног до гладкости, то потолок остался неровным: опасность вынести себе мозги о неожиданный выступ была вполне реальной.

Фонарь источал слабый жёлтый свет и запах животного жира, освещая туннель лишь на несколько шагов вперёд. Но ни Браелю, ни людям, которые шли за ним по штольне во тьму под Маллаксом, не нужно было видеть далеко, чтобы не терять дороги к цели. Хватало криков, воплей и низкого горлового рыка, перемежаемого редкими выстрелами.

Прошло почти три недели с тех пор, как Браель со своим отрядом прибыл в Маллакс. Они осторожно пробрались через покинутые кварталы до высокой городской стены и назвали себя часовым, хотя Браель был уверен, что те следили за ними некоторое время, прежде чем дать знать о своём присутствии. После короткого допроса, им назначили оборонительный пост на стене и резервный пункт под парапетом, где можно было провести свободные от дозора часы.

Через неделю после того, как они добрались до Маллакса, на горизонте показался авангард армии захватчиков. Новые и новые ревушие адские машины несли на себе зеленокожую чуму, что выкосила жителей с остальных земель Агры. Начались тревожащие нападения: двух-трёхколёсные боевые машины проносились через внешние кварталы, стреляя по верхним участкам стены, испытывая оборону. Браель полагал, что они вовсе не старались пробить стену. Они просто развлекались до подхода основных сил. И когда армия соберётся, они двинутся всем скопом, чтобы стереть с лица планеты последний оплот Агры.

Отряд Браеля был третьим, кто отозвался на крик: «Нападение изнутри!». Гонцов прислал первый отряд, обнаруживший вторжение и спустившийся вниз, чтобы встретить врага. Потрясённый тем, что зеленокожие смогли найти проход под стеной, Браель повёл своих людей вниз с резервного поста и по улицам на восток, ко входу в ствол шахты.

Костесу и Перрору, к их великому сожалению, Браель приказал остаться с самострельным ружьём. Среди разросшихся рядов городских защитников и беженцев находились те, кто не стеснялся красть оружие, чтобы продать или обменять его в каком-нибудь другом отряде ополченцев.

— И, к тому же, — прибавил Феллик, когда приказ Браеля не смог унять их протесты, — вы, наконец-то, похоже, разобрались, как попасть из него куда-нибудь. Зачем же тратить зря такой опыт?

У ствола шахты, над дырой в земле стояла вышка с будкой подъёмного колеса, притулившейся у основания. Вблизи самой шахты построек не было, но вокруг открытого места громоздились здания мастерских. Само место не было совсем ровным — его усеивали горы древнего шлака и прочей пустой

породы, которую поднимали вместе с ценным чёрным камнем, который когда-то инженеры Маллакса перерабатывали и использовали в качестве топлива для своих машин. Горы шлака были такими старыми, что жёсткая трава проросла насквозь и покрывала их серыми и зелёными пятнами.

К тому времени, как люди Браеля добрались от резервного поста до входа в ствол старинной и более не используемой шахты, второй взвод уже спустился вниз на помощь первому. И ни один отряд не вернулся, не послал кого-нибудь сообщить, как идут дела. Браель со своим отрядом были третьими, кто спускался в темноту.

— В ближней штольне чисто, — Маб, их маллакская проводница, появилась в свете фонаря Браеля. На длинном пути вниз по стволу, скучившись в железной клетке, опускавшейся на древней цепи со звеньями размером больше человеческого кулака, Браель с удивлением узнал, что их проводница родилась не в шахтёрской семье.

— Я историк, — сказала она, улыбаясь самой абсурдности своих слов. — Добыча в Маллаксе прекратилась так давно, что мы — единственные, кому ещё интересны шахты. Я бывала внизу всего пару раз, но зато внимательно изучила планы.

— Изю всех сил постараюсь почувствовать себя ободрённым, — сказал Феллик с улыбкой, которую впрочем проглотила абсолютная чернота, в которую они спускались.

Браеля потрясли размеры созданной руками человека пещеры, в которую он вступил. Под пологим неровным сводом высотой почти в два человеческих роста могли встать плечом к плечу человек двадцать. Она была почти гладкой, просто обширная пещера, вырубленная в породе — сама мысль об этом кружила Браелю голову. Быть здесь, внизу, не видя солнечного света, ветра и смены времён года, представлялось жутким образом жизни, не важно, насколько впечатляющей была мысль о том, что люди когда-то могли это делать.

Древние крепи, толще человеческого тела, поддерживали свод, а их, в свою очередь, держал частокол малых крепей, вогнанных диагонально между большими. Некоторые из отряда Браеля поглядывали на них настороженно.

— Если они простояли до сих пор, то, думаю, беспокоиться не о чем, — произнёс Лоллак.

— Надо беспокоиться о том, что в следующем туннеле, — угрюмо проворчал Томбек.

— О, я беспокоюсь и об этом тоже, — ответил Дистек, осторожно кладя руку на одну из крепей, словно желая удостовериться в её надёжности. В округлых стенах виднелись ниши, сделанные людьми, которые прокопали эту штольню давным-давно. По-видимому, в них должны были храниться запасные фонари, похожие на тот, что несла Маб. Её фонарь — более мощный, чем те, что получили Браель и его люди — осветил всё пространство пещеры, когда проводница открыла шторку полностью.

— Значит, здесь люди когда-то выкапывали металл из земли? — спросил Кобар. Он провёл рукой по камню, мысленно сравнивая его с залежами каменной соли, которую когда-то откалывал со скальных склонов на родине.

— Не здесь, — ответила Маб. — Дальше. Следующий туннель разветвляется и уходит к забоям. Там они

собирали добытый неочищенный металл. Потом грузили его на вагонетки, тянули их туда, откуда мы пришли, и поднимали на поверхность.

— Все туннели сходятся там в один? — спросил Браель.

Маб кивнула и пробежала рукой по коротко стриженным волосам. Браель мельком увидел лишний палец, который рос рядом с мизинцем. На другой руке был точно такой же; Маб даже не думала их скрывать. Первый раз Браель заметил их ещё на поверхности, при свете дня, который сейчас казался лишь плодом воображения в абсолютной черноте шахты — и испытал те же самые внезапные мурашки, как и несколько лет назад, в храме Священного Вакса.

— Значит, взрывчатку сюда, — приказал он Кобару, тот кивнул и сунул руку в брезентовую сумку, висевшую поперёк груди. Вытащил первый из нескольких цилиндров, что принёс сверху: нечто вроде компактной взрывчатки, более мощной, чем вдвое большее количество чёрного пороха. Маллакс пронёс через поколения секрет её дорогостоящего производства. Ещё в сумке лежал свёрнутый кусок быстрогорящего шнура, более надёжного, чем промасленные скрутки из ткани, которыми Кобар пользовался раньше.

— Взрывчатку? — эхом отозвалась Маб. В голосе её звучало беспокойство.

— Вот тут мы их и остановим, — ответил Браель. — Так или иначе.

В низком пространстве за местом разветвления штолен, остатки первого и второго отряда сбились за валом тел своих товарищей, проигрывая отчаянные попытки оборонить основной туннель, ведущий на поверхность. То, что им удалось сдерживать зеленокожих так долго, служило показателем их мужества. Но мужество, однако, уже было на исходе.

Люди Браеля появились из узкого, как щель, и практически невидимого туннеля, больше похожего на пятно тени даже при мощном свете фонарей зеленокожих. Маб, которая отказалась вернуться обратно на поверхность после того, как провела их по одному из туннелей, уходящих от развилки, где остался возиться со взрывчаткой Кобар, показала дорогу через расщелину. Историки полагали, что её прокопали для вентиляции самых дальних забоев или, возможно, даже в качестве спасательного хода на случай обвала.

Каковы бы ни были намерения тех, кто создал его, ход дал возможность отряду Браеля ударить во фланг зеленокожим, вбив клин в самую середину, пока массивные захватчики пытались развернуться и слаженно встретить неожиданное нападение.

Появившись, они увидели сцену, раскрашенную тенью и светом. Длинное, низкое пространство некогда было забоем, в котором маллакские шахтёры отбивали неочищенный металл из породы. Большую часть света давали фонари захватчиков, приоткрытые ко лбам или нагрудникам, и которые, похоже, использовали другой источник энергии, нежели животный жир, излучая мощные лучи ярко-жёлтого света. Браель едва не ослеп, когда первый из зверюг развернулся, чтобы встретить новую атаку. К счастью, Феллик, шедший прямо за Браелем и таким образом скрытый в его тени, как за щитом, сумел ударить в морду зверя пикой с древком, обрезанным до середины ещё перед спуском в шахту.

Один зеленокожий пал, прежде чем остальные начали понимать, что на них напали ещё с одной стороны.

Выстрел из тяжёлого пистолета, который Браель снял с мёртвого зеленокожего в Греллаксе, разнёс затылок ещё одному. Отдача ударила в руку до самого плеча, от грохота в замкнутом пространстве зазвенело в ушах. Переломив ствол, Браель вынул дымящуюся гильзу и, достав из пояса новый патрон, вложил в пистолет.

Вскоре после прибытия, Браель со своими людьми обнаружили, что Маллакс превратился в рынок украденного оружия зеленокожих. Вместе с рассказами о долгих и тяжёлых отступлениях перед захватчиками, многие из тех, кто собрался за стенами Маллакса, принесли с собой всевозможные артефакты чужих: машинные мечи, чьи лезвия состояли из бесчисленных, быстро движущихся зубьев, самострельные ружья, как то, что присвоили себе Костес с Перрором, боеприпасы всех видов и размеров.

Браель переступил через зелёное тело, защёлкнув на ходу пистолет. Следующая цель заметила его и подняла своё ружьё.

Браель инстинктивно бросился на пол в ту же секунду, как увидел, что ствол поворачивается в его сторону. Криком предупредив тех, кто находился сзади, через звон в ушах услышал ответные крики и вопли тревоги.

И тогда зеленокожий выстрелил.

Звон в ушах внезапно превратился в тонкое гудение, потом пропал совсем. Вокруг, словно одеяло, опустилась тишина, хотя лоб и щеку обожгло острыми, раскалёнными осколками камня, которые высекали из стен и потолка бешено рикошетиющие пули.

Справа рухнуло тело. В свете фонаря, прикреплённого к нагруднику, Браель с удивлением увидел, что это один из захватчиков, от половины морды у него остался дымящийся по краям кратер. Здесь, в туннелях и штольнях под последним человеческим городом, какое-то из нечестивого оружия зеленокожих оказалось такой же угрозой для владельцев, как и для целей.

Не имея возможности услышать, закончилась стрельба или нет, Браель поднял голову. Зеленокожий с самострельным ружьём убрал палец с крючка. Возможно, выражение смтения на его покрытой пятнами тени морде было результатом того, что он только что натворил. Вероятно, у них был приказ, запрещавший применение самострельных ружей до выхода на поверхность.

Браель вскочил на ноги. Взгляд в сторону выхватил ещё одно тело. Неподалёку валялся фонарь с открытой настезь шторкой. Маб — бледное лицо смотрит вверх, глаза открыты, остальное тело — тёмное пятно тени и крови.

Луч ударил Браелю в глаза. Прикрывшись увечной рукой, он вскинул пистолет и выстрелил прямо в свет. Он не слышал звука выстрела, но свет ушёл вверх, чиркнув лучом по неровному потолку, и Браель двинулся прочь, не глядя, какой урон нанёс его выстрел.

Его люди пробивались к обороняющимся в конце штольни. Зеленокожие уже разобрались в новой

ситуации и начинали теснить их обратно.

Дистек упал с грудью, рассечённой машинным мечом — единственным механическим оружием, которое было безопасно применять в замкнутом пространстве. Тайлор, сражаясь за спиной Феллика, получил сокрушительный обратный удар в горло. Пока Феллик разворачивался с короткой пикой в руках, чтобы встретить и отразить атаку, парень из Эревелла задохнулся и умер — разбитая и распухшая гортань перекрыла дыхательное горло.

— Вперёд! — заорал Браель во всю глотку. Он надеялся, что хоть кто-то из его людей услышит, сам себя он не слышал: лишь низкий, глухой звук отдавался в черепе. Он видел, что отряд замедлился, атака захлебнулась, когда ушло преимущество неожиданности. Они должны были продавить врага, добраться до небольшой кучки измотанных бойцов из первых двух отрядов и увести их через туннель к штольне, где ждал Кобар со взрывчаткой.

Не имея ни времени, ни пространства перезарядить трофейный пистолет, Браель сунул его сзади за пояс и отцепил тесак. Давка в устье туннеля стала такой плотной, что едва можно было размахнуться. Пот, ярость и страх защитников и захватчиков смешались. Тела сражающихся покрывала смесь из крови агранцев и тошнотворного ихора, текущего под шкурой у зеленокожих.

Браель продолжал кричать, пробиваясь вперёд и рубя, выбил рукоятью тесака светящийся красный глаз, развернув оружие, резанул поперёк обнажившейся артерии, что билась между сухожилиями на шее твари. Вторым ударом срубил пальцы, которые зверь прижал к брызгающей ране. И не переставал кричать, заставляя своих людей и защитников продержаться ещё на один удар сердца дольше, на один...

Вздрогнув, Браель понял, что смотрит в обессилевшие, почти мёртвые глаза другого человеческого существа. Солдат одного из первых двух отрядов, в висящей клочьями одежде, покрытый кровью обоих видов.

Браель выкрикнул приказ. Незнакомец кивнул и развернулся. В этот момент Браеля ударила некая уверенность, которая, как он уже привык, обычно сопровождалась пульсацией в голове и жёлчным салютом перед глазами. Но, то ли из-за крайнего смятения боя, то ли из-за глухоты, но ощущения эти не проявились. Всё, что Браель знал, — это, что у входа в штольню вот-вот случится что-то страшное. Что-то, что положит конец им всем.

Не переставая кричать, он схватил ближайшего из своих людей — Клива, как оказалось, с тем же полусумасшедшим выражением лица, какое, Браель был уверен, было на его собственном — и почти выбросил его в туннель. Развернулся, схватил второго — на этот раз незнакомого, — между тем крича, что, несмотря на риск, они должны убираться из этой штольни немедленно.

Где возможно, защитники уклонялись из стычек и отступали к устью туннеля — которое оказалось всего в двух-трёх шагах позади, таким мощным стал натиск. Некоторых зарубили зеленокожие, которых, в свою очередь, вынудили отступить Браель и Феллик, стоявшие по обеим сторонам туннеля, коля и рубя врагов тесаками и укороченными пиками.

— Давай! — крикнул Браель, хлопнув Феллика по плечу, и развернулся, чтобы сбежать из туннеля. И в этот момент зеленокожие замерли. Некоторые задрали головы, словно услышав что-то, хотя Браель по-прежнему не слышал ничего. Это дало двум живым агранцам шанс рвануть назад, не обращая внимания

на неровный пол, спотыкаясь и подхватывая друг друга на бегу.

Кто-то оставил фонарь на полу — без его света, предупредившего их, Браель и Феллик со всего размаху врезались бы в каменную стену — туннель здесь круто уходил влево. Едва они повернули, по стене, с которой они чуть не повстречались, защёлкали первые пули, выбивая в камне воронки и наполняя воздух бритвенно-острыми осколками.

Феллик споткнулся, издав резкий крик, неслышимый Браелю. Удержав равновесие, он продолжил бежать, прижимая руку к боку.

— Подкрепление! — задыхаясь, выпалил Феллик, после того как они с Браелем выскочили из туннеля и едва не упали на руки Кливу. Браель не слышал Феллика, но увидел, что другие уже занимаются раной у того на боку, унимая кровь. Феллик сморщился и непроизвольно согнулся, когда Томбек вытащил длинный осколок камня у него из спины, чуть ниже рёбер.

— Чёртовы зеленокожие прислали подкрепление! — хватал воздух ртом Феллик, пока рану перевязывали полоской грязной ткани, оторванной от остатков чьей-то рубашки. — Либо им стало невтерпёж, либо изначально планировали их послать, но они идут.

— Мы бы всё ещё были в штольне, когда они появились, — осознал один из выживших из второго ушедшего в шахту отряда, — если бы не ушли до того, как они прибыли. И они покосили бы нас, как траву.

При этом он смотрел на Браеля.

— Совпадение, — отозвался другой из его отряда.

— Я то же самое сказал, — прибавил Томбек, поднимая глаза от закрепления временной повязки вокруг торса Феллика. — Однажды.

— Если они идут, то нечего тут сидеть и лясы точить, — вмешался Кобар. Он стоял у входа в туннель, который вёл к железной клетке и стволу шахты, уходившему на поверхность. С почти нечеловеческой отстранённостью Браель смотрел, как отрывисто двигается рот Кобара, когда тот звал остальных и указывал на туннель. У его ног лежали связанные концы фитилей, идущих от зарядов взрывчатки, разложенной вокруг устья туннеля, в естественных укромных уголках по стенам вокруг.

— В правый от Кобара! — невольно в полный голос заорал Браель, заставив остальных подскочить. — Пошли! Времени нет!

Клив закинул руку Феллика на плечи, и повёл его в туннель, за ним двинулись те из первых двух отрядов, кто получил ранения. Всего трое или четверо, отметил Браель. Оружие зеленокожих было создано не для нанесения ран, а для истребления — отдельных индивидуумов, городов, стран, возможно, и целых миров. Истории Вики о далёких мирах и существах, что могут перешагивать через бездны меж ними, сейчас выглядели гораздо менее фантастическими.

Браель удостоверился, что в туннель входит последним. Он остановился, проходя мимо Кобара, который

присел над связкой фитилей, высекая огонь на трутницу. Её он нёс с собой от самого дома, располагавшегося под сенью далёкого горного хребта.

— Иди, — сказал Кобар, потом махнул в туннель. — Я сразу за тобой.

Трутница занялась, и он осторожно опустил огонёк к концам фитилей, тот с шипением побежал к зарядам.

Кобар поднялся на ноги, Браель повернулся, чтобы войти в туннель, и внезапно понял, что видит собственную тень, чётко вырисовывающуюся в свете, куда более мощном, чем масляные фонари, расставленные на полу вдоль туннеля.

Чужацкие выстрелы раздались с дальнего конца штольни. Хотя и не слыша, Браель ощутил барабанный бой самострельных ружей кишками и костями. Инстинктивно пригнувшись, он бросил взгляд назад.

Кобара ранило. Хотя попадание пришлось вскользь, пуля всё-таки умудрилась пропахать жуткую рваную дыру у него в боку. Удар закрутил его винтом и приложил о слегка закруглявшуюся стену туннеля, примерно в шаге от отверстия штольни.

Браель развернулся и, не вставая, на корточках сделал шаг к Кобару. Увидев это, Кобар поднял трясущуюся руку, потом ткнул пальцем куда-то в пол между ними. Сначала Браель ничего не увидел, потом разглядел: трутница. К тому времени, когда он поднял взгляд обратно на Кобара, бывший каменолом уже вытряхнул один из цилиндрических зарядов и кусок фитиля из своей брезентовой сумки.

Новая очередь почти заставила Браеля упасть на колени. Пригибаясь под летящими осколками, он сгрёб трутницу и прыгнул вперёд. Отдал Кобару — тот благодарно кивнул сквозь гримасу боли, затем мотнул головой в сторону туннеля. Откусил маленький кусочек фитиля и вставил его в заряд. Последнее, что увидел Браель, прежде чем броситься со всех ног в туннель, стараясь сбежать от мощного света фонарей зеленокожих в спасительную тьму, — как Кобар высекает искры на трутницу в последний раз.

Браель бежал в темноте, пригибая голову, чтобы не налететь на какой-нибудь опасный выступ потолка, когда до него докатилась звуковая волна взрыва. Гонимый по туннелю воздух принёс сухой, жжёный запах взрывчатки. Впереди Браель видел бледный, слабый свет: хвост вереницы выживших, направляющихся к стволу шахты. Он прибавил ходу.

Кобар, должно быть, собирался сделать так с самого начала, думал Браель на бегу, — обрушить вход в туннель, чтобы зеленокожие как можно плотнее набились в штольню, чтобы разобрать завал, и тогда взорвать основные заряды.

— Где Кобар?

Браель догнал остальных, и Томбек заметил, что он был один. Браель показал на свои уши и помотал головой. Томбек показал назад в туннель и нахмурил брови, изображая вопрос.

Поняв, что Томбек хочет узнать, Браель просто помотал головой.

В этот момент пол у них под ногами двинулся. Браель почувствовал растущее давление, прокатившееся по грудной клетке. Томбек и несколько других тревожно подняли глаза на потолок, откуда посыпалась пыль и каменная крошка.

Основные заряды. Браель не смог побороть улыбку при мысли о том, что произошло в штольне, которую они только что оставили: вес земли, вес города над ними, давящий сверху зеленокожих, крушащий их под собой. Браель коротко подумал, могли ли зеленокожие чувствовать страх, как люди, чувствовать тот абсолютный ужас, что приходит с пониманием, когда твоя жизнь уже не имеет никакого значения для тех событиях, в которых ты оказался — жуткое знание, что твоя жизнь кончена. Он надеялся, что могли.

Буря пыли и каменной крошки пронеслась по туннелю и поглотила их, погасив большую часть фонарей. Выжившим пришлось, кашляя и задыхаясь, искать дорогу к стволу шахты наощупь. Под ногами, наверху и вокруг земля продолжала двигаться, скрипеть и стонать, словно протестуя против того, что произошло в её глубинах.

Один раненый из первого отряда оказался мёртв к тому времени, когда они добрались до дна ствола, где ждала клеть.

— Он останется здесь, — сказала Фрейта трём его живым спутникам.

Браель не смог удержать Фрейту от того, чтобы пробраться в клеть за секунду до того, как та начала опускаться в шахту. Он приказал девушке остаться на дне ствола, готовой дёрнуть за ручку телеграфа, который подаст сигнал тем, кто наверху, чтобы поднимали клеть. Даже если внизу все окажутся мертвы, тем, кто наверху, необходимо дать знать об этом.

— Чем меньше веса на борту, тем быстрее мы выберемся на поверхность.

Один из товарищей мертвеца угрожающе шагнул вперёд, не желая и слышать о том, чтобы оставить ещё одного друга под землёй, и тем более не желая слышать приказ об этом от девчонки. Лоллак шагнул между ними.

— Ты знаешь, она права, — сказал он тихо. — Почти его память, оставшись в живых и убив ещё больше зеленокожих.

Даже несмотря на то, что мёртвый груз остался на дне, усаженный к стены шахты, холодные руки сложены на коленях как для молитвы, подъём на поверхность был мучительно медленным. Скрежещущий рокот падающих камней стихал, сверху лился свет. Не отдавая себе отчёта, все, кто был в клетки, обратили лица вверх, словно растения, ищущие солнечного света, страстно желая выбраться из тьмы.

На Браеля накатила волна усталости, пока подъёмник одолевал дорогу на поверхность, — ответная реакция на сильное чувство страха, которое он пережил прямо перед прибытием подкрепления зеленокожим. Он понял, что думает о доме, своей постели и своей семье — как всегда, когда чувствовал себя таким уставшим. И как всегда, он затолкал эти воспоминания поглубже, так глубоко, как мог.

— ...о... нибу... лыши..? — Фрейта тронула его за руку и, решил Браель, прокричала вопрос. Он вопросительно нахмурился в ответ, и она повторила ещё раз.

— Немного! — крикнул Браель, поняв, что девушка спрашивает. Что-то он слышал — самый громкий звон и лязг надстройки клетки и цепи, что тянула их на поверхность. Можно было надеяться, что это означало — слух к нему вернётся.

Клеть поднялась наверх, на слабый свет и холодный ветерок. Пока они были под землёй, время словно остановилось, но наверху день уже подошёл к концу. Закат окрасил небо в нежно-розовый цвет, и ранний вечерний ветерок сушил пот на коже, когда они выходили из клетки. Встревоженная толпа ждала. Браель прикинул, что тут было по меньшей мере два отряда, вооружённых и готовых к спуску, на случай, если Фрейта привезёт плохие новости.

Позади вооружённых людей стояла толпа гражданских — хотя никого в Маллаксе на самом деле нельзя было больше считать гражданским. Женщины, старики и дети — некоторые из них, возможно, собрались вокруг шахты, чтобы увидеть, появится ли кто-то из близких живым. Другие, возможно, хотели знать, прорвались ли зеленокожие и, следовательно, сколько им ещё осталось жить.

— Ты! — Томбек заметил в толпе знакомое лицо: Массау. Бывший цеховик исчез под каким-то непонятным предлогом незадолго до того, как раздался зов из шахты. Теперь он ошивался с краю толпы, возможно, в надежде выяснить, скольким товарищам придётся объяснять своё отсутствие. Увидев, как Томбек ринулся к нему сквозь толпу, Массау принял почти комическое выражение тревоги и бросился прочь.

— Томбек, оставь его, — крикнул Браель вслед высокому винарцу и с облегчением обнаружил, что снова может слышать свой голос, хотя и звучал тот словно издалека. — Тебе нужно отдохнуть. И поесть. Всем нам.

— И справить траур по мёртвым, — прибавил Клив, всё ещё поддерживая Феллика. Браель увидел, что обычно говорливый примаксец выглядит изнурённым, его лицо побледнело от потерянной крови, что продолжала сочиться сквозь грубую повязку.

Отстояв очередь за едой к одной из общественных кухонь, установленных по всему городу, Браель вернулся к резервному пункту отряда на широких мостках, на полпути до верха высокой наружной стены. Пункт был занят незнакомцами, которые сообщили, что его отряд — «Все двое!», как со смехом сказал один — отправили занять позицию на самой стене.

Костес и Перрор, всё ещё верно охраняющие самострельное ружьё, поприветствовали Браеля двумя взглядами ужаса. Поняв, что парни решили, что Браель — единственный, кто выжил, он поторопился успокоить их, насколько мог, учитывая потери, которые понёс отряд.

— Остальные добывают еду, некоторые ищут баню, чтобы смыть кровь зеленокожих, — Браель глянул на подсыхающее месиво крови и ихора на собственной одежде, и подумал, что ему стоило бы сделать то же самое. — Мне показалось, что Лоллак говорил что-то о миловидной молодой санитарке из медпункта ниже литейных на западе.

— Тайлор, Дистек, Кобар, — пробормотал Перрор. — После столького вместе.

— А Феллик? — спросил Костес.

— Время покажет, — всё, что Браель ответил. Он выглянул наружу через бойницу в баррикаде, которую соорудили на стене над древним парапетом из железа и камня. Из бойницы торчало самострельное ружьё Перрора и Костеса. Лето и долгий закат подходили к концу. Небо всё ещё хранило розовые полосы, но горизонт уже потемнел — не считая тех мест, где его подсвечивали бивачные костры врага. Неуклюжие силуэты полевых лагерей занимали горизонт от края до края. Выхлопные трубы боевых машин изрыгали пламя, враг готовился к тому, что, Браель был уверен, вскоре последует.

Он представил, как они дожидаются сообщения от лазутчиков: пробейся те, какой-то сигнал был бы подан, и остальная армия с рёвом рванула бы к городу. Но неудача пробной диверсии через шахты не остановит их. Скоро зеленокожие направят всю свою армию на Маллак. Он представил, как она идёт: чёрная, изрыгающая пламя полоска, катящаяся к городу от горизонта, через покинутые районы за воротами, охватывая городские стены и начиная жестокий, неостановимый процесс пробивания дороги внутрь.

— Время покажет, — тихо повторил Браель, глядя, как дымы далёкой армии заслоняют последние цвета неба. — Время покажет.

Согласно большей части основных источников, найденных в хранилищах под центральным либраниумом города, Маллак был известен не только своими мануфакториумами, мастерскими и пеленой из пыли и дыма, которая, как говорят, постоянно висела над городом, но также и воздействием, которое оказали некоторые руды, добываемые жителями, и процессы, при помощи которых эти руды обогащались и обрабатывались (кросс-ссылка 695/446-архив А.Механикус: выплавка и соответствующие процессы, химическое расщепление и синтез), на будущие поколения шахтёров и рабочих переработки.

Те, на ком последствия сказались в тяжёлой форме, редко выживали post-partum. Большой частью мутации, по сведениям источников, были незначительными — третье веко, возможно, или дополнительные пальцы. Однако, без направляющей руки Имперуума, чтобы выполоть заразу с корнем, население Маллакса постепенно стало всё больше отклоняться от священного облика человека.

Духовенство Вакса, самой древней из религий Агры, стало группой, самостоятельно избравшей для себя один такой отличительный признак.

Выдержка из «Инквизиторского коммюнике 747923486/алеф/Самакс-4»

Автор: инквизитор Селена Инфантус

M41.793

Маллакс всегда был неутомимым городом. На пике его расцвета шахты, литейные и мануфактуриумы работали день и ночь. Склады, группами построенные вокруг конечных станций железных караванов, постоянно принимали и отгружали товары: продукты питания, вино и роскошную одежду привозили, фермерское оборудование, запчасти для паровых и водяных ткацких станков вывозили. И чтобы утолить жажду и голод рабочих, улицы всегда были полны продавцов еды, двери таверн всегда оставались открытыми, зазывая людей, окончивших рабочую смену.

Хотя с тех славных дней Маллакса минуло уже много поколений, он сохранил большую часть своей бессонной энергичности. Браеля поначалу охватил благоговейный страх, когда он впервые приехал сюда. Беспреданное движение, не зависящее от смены времён года, казалось неестественным. И хотя он никогда не признавался Вике, его пугало, что человек мог создать такое место.

С тех пор, как пришли зеленокожие, однако, он стал разделять бессонницу Маллакса, даже ещё до того, как пришёл в город во второй раз в жизни. И хотя закат прошёл и упала ночь, он бродил по улицам, пока остальной отряд — как они превратились в «отряд», Браель думал, если однажды были всего лишь группой людей, встретившихся в бригаде сборного ополчения — дремал на парапете стены.

Люди текли по улицам, одни доставляли сообщения генералам, каждому из которых был отдан под командование участок обороны, другие подыскивали новое оружие, порох или боеприпасы для своих отрядов.

Браель знал, что никогда не найдёт то, что искал на улицах города, но это не останавливало его поиски.

Вика не хотела покидать Браеля, но, ощущая болезненную пульсацию в голове, он настаивал. Многие из родни уже отправили свои семьи на юг на железных караванах, которые ходили по рельсам всё реже и реже. Мужчины и мальчишки боеспособного возраста являлись на сборные пункты в ярмарочных городах, ближайших к их фермам. Из-за времени, которое потребовалось Браелю, чтобы уговорить Вику забрать Брона в Маллакс, он стал последним из клана Корфе, кто оставил округу.

Прошёл слух, что следующий железный караван, проходящий через полустанок Кловис — остановку, ближайшую к ферме Браеля, — будет последним. В ясный день, говорили, становились видны столбы дыма, вздымавшиеся в небо на северном горизонте. Браель разъяснил своей прекрасной и упрямой жене, что надеется, что она заберёт их сына в безопасное место, в город, который почитала. Что-то в глазах жены подсказало Браелю, что её вера в догматы Священного Вакса стала не такой крепкой и не такой утешающей, как когда-то.

— Мне нужно, чтобы ты была в безопасности, — говорил он ей позже, в их последнюю ночь вместе, когда они расположились с десятком-двумя других вокруг небольшого скопления лачуг, которое и было полустанком Кловис. — Мне нужно знать, что, что бы не случилось, что бы мне не пришлось сделать, если эти истории окажутся правдой, когда это закончится, я смогу прийти и найти вас, и забрать домой.

Браель, не говоря уж о жене, сам не ожидал от себя такой речи. Многие месяцы с того дня, как посадил их в железную повозку каравана, он размышлял, в самом ли деле она решилась уехать, только услышав это.

Если так, то никто не стал бы спорить: он убил свою жену и сына.

После того, как отряд Браеля прибыл в Маллакс, их допросил майор Примаковского полка. По прикидкам Браеля, возрастом он был не старше мальчишки Викора, которого они обрели и потеряли у Греллакса. Если майорами становятся мальчишки, то для обороны Маллакса это не сулит ничего хорошего. После допроса, повозка и лошади, которых они забрали с поля боя за Греллаксом, были реквизированы в общий транспортный фонд, который использовался для перевозки людей и оружия по улицам города. Браеля с его людьми приставили к участку стены, который они должны оборонять, когда придёт время, и резервный пункт, где они будут проводить время, свободное от службы.

Как только его люди устроились, Браель отправился на поиски станции, куда должен был прибыть караван с Викой и Броном. Он помнил ещё с последнего визита её металлическую крышу, позеленевшую от дождя и миазмов расположенных рядом мануфакториумов.

Под куполом крыши с балочными перекрытиями безмолвно стояли железные караваны. Беженцы — в основном, старые и совсем юные — устроили временные жилища на платформах. Он бродил среди них, спрашивал, не работал ли кто на караванах, не мог ли кто сказать, что случилось с последним караваном с севера.

Один старик заявил, что путешествовал на караване, который отправили к месту катастрофы — «крушения», как он это назвал. Идущий на юг караван каким-то образом соскочил с путей и превратился в перекрученную мешанину железа и крови.

— Так много погибших, — гнусавый голос старика приобрёл почти жреческий тон в кафедральном пространстве станции. — Раздавленных, переломанных. Женщин. Детей. Таких молодых.

Браель описал старику Виду и Брона — северная комплекция и светлые волосы Вики должны были выделять её из большинства пассажиров каравана, — но старик больше ничего не смог ему рассказать. Они не могли ничего сделать, только собрать те части, что удалось, от машины и повозок — Маллакс был городом, обречённым собирать обломки, чтобы обслуживать древнюю машинерию. Рельсы быстрой починке не подлежали. Немногих выживших, почти всех с распахнутыми глазами и трясущихся от шока, погрузили на караван вместе с обломками и довели до Маллакса.

И вот Браель бродил по городу. Он знал, что Вика и Брон погибли в караване, на который сели по его настоянию. Он знал это с той же уверенностью, с которой знал, когда уйти из Греллакса, знал, что подкрепления вот-вот появятся в штольне, и знал, когда и куда деться, чтобы избежать бесчисленных опасностей за тот долгий и тяжёлый год, который привёл их в Маллакс. Он чувствовал это в сердце, как чувствовал зуд в пальцах, которых нет — он потерял их тогда, когда последний раз пытался игнорировать ту мудрость — как старая тётушка Брелла называла это, — что пробивала себе дорогу наружу. Браель знал это, но старик ведь не сказал наверняка, что видел их тела.

И вот он бродил в тщетной надежде заметить лицо, всплеск светлых волос в толпе или услышать голос с северным акцентом или обрывок мальчишечьего смеха, который отдавался эхом у него в голове в те моменты, когда он позволял себе отдохнуть.

Звук голосов на повышенных тонах коснулся слуха, когда Браель шёл по узким улицам старого города. Иронично, но старый город был самой освещённой частью Маллакса, единственным местом, где работающие на жидком топливе газовые фонари всё ещё работали. Браель шёл по лужам мягкого, жёлтого света, когда услышал голоса, затем треск чего-то ломающегося.

Срезав путь через проулок в сторону шума, он выскочил на улицу, которую с удивлением узнал: оживлённая дорога, что пересекала плотно застроенный старый город. По её сторонам стояло множество открытых спереди лавок, где когда-то продавали фрукты, мясо и вина, предназначенные для даров, жертвоприношений и возлияний в пирамидальном храме, чья огороженная территория главенствовала над площадью, куда выходила дорога. Он уже ходил по этой улице однажды, когда Брон был совсем маленьким.

Браель побежал по дороге и добрался до открытой площади. Здесь было ещё больше палаток, в которых когда-то продавались религиозные символы и артефакты для верующих, которые благословляли их в храме, затем забирали и выставляли в домашних алтарях. Браель уловил слабый запах старой соломы и вспомнил, что одна из палаток была хаосом из клеток с птицами и молодыми поросятами и ягнятами — владелец, с разрешения старейшин храма, выпускал животным кровь и подготавливал их для подношения жрецам за стеной храма.

На дальней стороне площади, на воротных столбах горели огни, освещающая разъярённую толпу у ворот. Треск, который слышал Браель, шёл от ворот, на которые давила толпа, одна створка поддавалась — не выдержали петли.

Браель побежал через площадь, бессознательно проверив, на поясе ли оружие. Хвост толпы, чьи крики стали громче и злее, как только она достигла своей первоначальной цели — проникнуть на территорию храма, втянулся в ворота, оставив лежать у стены фигуру в рясе.

— Вы не сильно ранены? — спросил Браель жреца Священного Вакса. Капюшон у того был частично оторван в стычке, которая произошла, когда жрец вышел из ворот, чтобы попытаться успокоить толпу. Сначала Браель увидел лишь макушку бритой головы, когда жрец неуверенно поднял руку к лицу. Из носа у него уже начала капать кровь, собираясь в лужицу на каменных плитах.

— Думаю, у меня сломан нос, — ответил жрец слегка дрожащим голосом. Отняв от лица руку, он взглянул на окровавленные пальцы, затем на незнакомца, что возвышался над ним.

— Им нужен Вакс, — произнёс молодой жрец, глядя вверх. Единственный глаз смаргивал остатки слёз, вызванных ударом, сломавшим ему нос. Все члены духовенства были такими, у каждого был всего один глаз, сидевший прямо над переносицей. — Они говорят, что это наша вина.

Браель неожиданно испытал сильное чувство, что уже был здесь раньше и говорил с этим жрецом за стенами храма. Он даже наполовину поверил, что, глянув в сторону, увидит рядом Вику с шестимесячным Броном на руках. Из всех необычных форм, которые принимали тела некоторых маллакцев, у жрецов Священного Вакса была та, что потрясла Браеля больше всего.

Жрец поднялся на ноги и побежал через двор храма за толпой, которая ударилась в двери санктума, словно сокрушительная волна. По дороге к санктуму толпа излила часть ярости на постаменты, на

которых стояли моленные свечи и чаши с благовонной водой, и поразбивала небольшие алтари, стоявшие вдоль стен. Перед ними, вспомнил Браель, Вика преклоняла колени, пока жрец носил Брона к Священному Ваксу за высокие деревянные двери санктума.

Браель пошёл за жрецом. Он сомневался, что жрецы в санктуме настолько глупы, чтобы открывать двери, пока толпа колотит в них кулаками, толкает плечами и орёт об уничтожении святыни внутри. Никто из толпы никогда не видел Вакс — лишь посвящённые жрецы допускались в санктум, — но из выкриков и угроз было ясно, что люди обвиняют Вакс в прибытии зеленокожих.

Браель понимал их. Вакс, как утверждалось, был реликвией времён ухода звёздных богов, оставленной, чтобы дети, которых боги оставляют, могли разговаривать со своими родителями, неважно как далеко те были. Внутри санктума хранилось последнее из устройств, каким-то образом способных посылать сообщения во тьму за небом, всё ещё призывая звёздных богов, говоря им, что дети всё ещё ждут их возвращения.

Даже если половина догматов была правдой, и что бы, хранящееся за дверями санктума — которые начали прогибаться под неослабевающим напором толпы, — не посылало каким-то образом сигнал в пустоту всё это время, то оно могло сыграть роль маяка и привести зеленокожих, которые являлись, должно быть, существами родом из пустоты, более ужасными, чем самые худшие фантазии людей.

— Остановитесь! — жрец добрался до толпы. — Это богохульство! Сейчас, как никогда раньше, Вакс — наша единственная...

Широкоплечий мужчина отделился от края толпы и ударил жреца хуком в голову. По плавности движений Браель предположил, что тот был до войны профессиональным боксёром.

Жрец пошатнулся, но не упал. Увидев это, широкоплечий бывший боксёр занёс кулак для второго и, без сомнений, более сильного удара.

— Ты! — крикнул Браель, пробегая последние несколько шагов. — Из какого отряда? Почему не на посту? Если зеленокожие полезут сегодня ночью, где, ты скажешь, ты был? В храме, избивал жреца?

Бывший боксёр остановился, затем опустил руку. Несколько человек в толпе обернулись.

— Если зеленокожие полезут сегодня ночью, это будет их вина! — крикнул один, обвиняюще ткнув пальцем в жреца. Большая часть толпы, похоже, услышала это и согласно зашумела.

— Тебе-то что? — крикнул кто-то из толпы. — Могу поспорить, год назад у тебя на руке были все пальцы.

— Моя жена была верующей, — ответил Браель. Он уже понимал, что никак не сможет остановить их.

— Значит, она была душой, а ты — ещё большим дураком, раз женился на ней! — заявил боксёр и сгрёб жреца за грудки. Не раздумывая, Браель шагнул вперёд и ударил мужчину сбоку по голове, там, где кость под кожей была тоньше. Год сражений с зеленокожими научил его видеть слабые места противника и понимать важность ударить первым.

Здоровяк отпустил жреца и неловко покачнулся в сторону. Браель увидел, что ноги боксера подогнулись, и пошёл на него, подняв кулаки. Треск ломающейся двери в боковые покои жрецов заставил все головы отвернуться от Браеля и бывшего боксёра, который опустил на одно колено и прижал руку к подбитому виску. Группа из пяти-шести человек откололась от основной толпы и яростно

ринулась внутрь. Из закрытых ставнями окон раздались звуки опрокидываемой и ломаемой мебели.

— Давайте, мы должны пробиться внутрь! — крикнул кто-то из гущи толпы перед санктумом. Не обращая больше внимания на Браеля, они развернулись как один и принялись снова напирать на высокие двери. Что-то, должно быть, сломалось во время их последнего штурма. С треском выламывающихся древних петель и выдохом приторного, полного благовоний воздуха, двери распахнулись внутрь.

Толпа хлынула по трём низким ступеням в проход. Молодой жрец, у которого всё ещё шла носом кровь, побежал следом. Браель опустил взгляд на боксёра, затем протянул руку. Здоровяк посмотрел на неё мгновение, потом ухватился и поднял себя на ноги.

— Можно, в принципе, тоже глянуть, что они там прятали всё это время, — предложил Браель. Из полутёмного пространства за раскрытыми дверями раздались крики, шум потасовки и треск ломающейся мебели.

— Знаешь, мне уже, чёрт возьми, всё равно, — ответил бывший боксёр. — Удачи, когда они полезут, — прибавил он, затем развернулся и начал выбираться с территории храма.

— Тебе того же, — ответил Браель, затем повернулся и последовал за толпой в санктум.

Не считая тяжёлого запаха благовоний и слабенького света, который давали масляные светильники в высоких настенных держакках, санктум выглядел очень похожим на двор снаружи, только без крыши: побольше молельных чаш на постаментах, три алтаря, чуть покрупнее, расставленных в линию по центру помещения, и больше разгневанных жрецов, бесстрашно встретивших кулаками толпу, готовых защищать свои сокровища.

Вдоль боковых стен стояли ряды стеллажей, на каждом — декорированные и покрытые резьбой ящики. Дебоширы сметали их с полок — те падали на пол, крышки отскакивали или разбивались, рассыпая предметы, хранимые в течение многих поколений: куски металла со странными рисунками, пустой металлический палец от статуи гиганта, обрывки ткани. Хлам, почитаемый за реликвии. Некоторые из незваных гостей размахивали реликвиями перед носом у жрецов, прежде чем растоптать в пыль или запустить в воздух.

Браель шёл по помещению, не обращая внимания на звуки бьющихся чаш, разбиваемых постаментов и крики и вопли как толпы, так и жрецов. Это сюда жрец носил его сына, пока они с Викой ждали снаружи. Брон когда-то был здесь.

Но где этот так называемый «Священный Вакс»? Может, жрец просто постоял тут немного, а потом вернулся наружу, передав Брона обратно матери и приняв в дар пригоршню монет? Был ли Вакс фикцией, обманом для выманивания денег, что длился веками?

Санктум был четырёхугольным зданием со ступенчатой крышей. Пространство внутри, однако, было другим, как заметил Браель. Снаружи четыре стороны были равной длины. Изнутри, он видел, стены справа и слева были уже — почти вдвое, чем должны были.

Взгляд на крышу подтвердил его подозрения: задняя стена соединялась со ступенчатым скатом потолка выше, чем передняя и боковые. Задняя стена, с которой свисал древний, потрёпанный флаг, рисунок на

котором изображал что-то вроде двухголовой птицы с развёрнутыми крыльями, скрывала ещё одно помещение.

Браель подошёл к ней и осторожно сдвинул полотнище в сторону. Несмотря на явную старину, материал под пальцами был мягким на ощупь, словно был выткан на гораздо более лучшем станке, чем все те, что производили ткань на этом мире. За полотнищем была дверь, верхняя её часть — декоративная решетка.

Тесаком Браель сбил старый замок и, отпустив качнувшийся за спину флаг, осторожно шагнул в заднюю комнату.

— Именем звёздных богов, прочь! — жрец, который налетел на него, был, должно быть, старше Бреллы, когда та в конце концов отошла в мир иной. Он колотил Браеля слабыми, покрытыми старческими пятнами руками. Тот отнёс жреца в сторону так осторожно, как смог. Старые колени не выдержали, и старик сполз на пол, причитая почти детским голосом.

— Наша единственная надежда! — выл старый жрец. — Наша единственная надежда!

Другой жрец — на этот раз примерно ровесник Браеля — бросился на помощь старику. Браель не обратил на него внимания. Он устался на Вакс.

Паутина проводов и металлических подпорок занимала помещение, в котором больше ничего не было, почти целиком. Она растянулась от стены до стены и от пола до потолка, который был едва виден в слабом жёлтом свете трёх-четырёх масляных светильников, установленных в нишах стен. Низкое гудение и вибрация, которые Браель почувствовал в груди, рождали ощущение, будто в паутине сидело что-то живое, вытягивая жизненную силу из кабелей и проводов, которые словно пульсировали почти неразличимым биением.

Мягкий звук хорошо смазанных колёс, вращающихся в темноте наверху, привлёк внимание Браеля. Слабый жёлтый свет выхватывал движущиеся края сложной конструкции из шестерёнок и зубцов. Отрезки толстых латунных стержней поворачивались, сияя тусклым золотом в свете ламп, опускаясь из сумрака к сложным редукторным сочленениям с более тонкими стержнями из того же металла. Эти тонкие стержни затем соединялись сцепками с паутиной из тонких, как волосы, проводов, которые, в свою очередь, питали машину, чей пульс раздавался в комнате, словно стук древнего механического сердца.

Браель прижал большой палец к виску — биение словно просачивалось под череп. Позади него жрец помоложе поднял на ноги всё ещё причитающего старейшину.

— Вакс — наша единственная надежда, — выл старый жрец. — Как это было в начале, как это было в поколения одиночества, так это остаётся сейчас.

Браель глянул в сторону жрецов. Удовлетворённый тем, что они, похоже, не собирались пытаться выгнать его во второй раз, шагнул в глубину комнаты. Вибрация в груди слегка усилилась, как и давление в голове. Взгляд на потрясающую конструкцию из металла и проводов, которые крест-накрест пересекали комнату, вызывал чувство головокружения. Браель попытался побороть его, сконцентрировавшись на проводе толщиной в волос, натянутом прямо над головой. Он потянулся к нему.

— Нет! — в голосе молодого жреца было столько неподдельного страха, что Браель остановился, не

успев коснуться провода. — Равновесие очень тонкое. Одна нежелательная вибрация вызовет ещё одну, и ещё одну...

— Это Вакс? — спросил Браель. — Вот эта детская головоломка? Моя жена верила... Мне говорили, что Вакс — это маяк.

Браеля неожиданно охватил приступ гнева. Вику дурачили верой, что эта бессмыслица может каким-то образом разговаривать со звёздами. Он мельком подумал: не дожидаясь ответа молодого жреца, просто схватить пригоршню проводов и разорвать хрупкую конструкцию на части.

— Это маяк, — ответил жрец. — Разве ты не чувствуешь? — он положил руку себе на грудь. — Это не такой маяк, который ты себе можешь представить — огонь на вершине холма или звук рога. Его сигнал незримо проходит сквозь плоть и камень. Он уходит в небеса и устремляется к звёздам. Паутина, что заполняет эту комнату, поддерживает его и служит усилителем сигнала, отправляя его дальше в пустоту. Священный Вакс находится в центре — как и должно быть. Вон там.

Слова о Ваксе успокоили жреца, даже старик прекратил выть. Браель взгляделся сквозь жёлтый полумрак туда, куда показывал мужчина.

Сквозь паутину пересекающихся проводов он увидел металлический ящик, размерами не больше корзины, которую носят во время сбора урожая сборщики фруктов. На тускло отсвечивающей поверхности виднелись неровные пятна то ли изначальной окраски, то ли выцветшие от времени. Над постаментом, на котором стоял Вакс, провода сходились воедино, перекручиваясь друг с другом и переходя в один тонкий кабель, вертикально уходящий в разъём на крышке. Рядом с блестящим хомутком, скрепляющим соединение, пульсировал одинокий красный огонёк.

— Вот это разговаривает со звёздами? — Браель не верил своим глазам. — Я не знаю, кто более смешон: вы, одноглазые клоуны, или те идиоты, что винят вас в том, что вы привели к нам зеленокожих.

Он зашагал к двери. В голове нарастал грохот, и он хотел выбраться отсюда, из этой комнаты, подальше от жужжания в голове и гудения в груди, из этого храма, подальше от всего, что каким-то образом превратилось в невозможное, всего, что заставляло Вику выглядеть душой в его глазах.

Дверь распахнулась, когда Браель был в нескольких шагах. Старый жрец обернулся и издал визг, увидев погромщиков, проталкивающих из внешнего зала.

— Наша единственная надежда! — снова завыл он. Один из вошедших сломал кулаком ему челюсть, затем отпихнул в сторону. Когда старик упал, одна его нога сломалась с хрустом сухой ветки.

— Нет! — молодой жрец выставил перед собой руки в тщетной попытке остановить волну, которая просто перехлестнула через него. Жреца сбили на землю, где его пинал и топтал почти каждый входивший.

Одно присутствие столь многих людей в комнате сразу уже начало влиять на сеть проводов, которая питала Вакс. Пульсация стала более заметной, провода принялись издавать звуки различной высоты, задевая друг о друга или толстый металлический каркас, с которого свисали. Вибрация в груди у Браеля тоже изменилась. Она стала неровной, словно рваный ритм, который он чувствовал в груди домашней скотины перед самым моментом её смерти.

— Это Вакс? — спросил худой, лысый мужчина Браеля, который уже проталкивался сквозь толпу и был на пороге комнаты. Браель просто кивнул. Затем он услышал его — тонкий звон порвавшегося туго натянутого провода.

«Одна нежелательная вибрация вызовет ещё одну, и ещё одну...» — вспомнил Браель слова молодого жреца, когда комната наполнилась звуками рвущихся проводов и грохотом падающих на пол частей каркаса. Дебоширы не собирались стоять и ждать — хватит ли одного оборванного провода. Сеть проводов и кабелей уже проседала вокруг них, когда они принялись рвать её. Кабели и тросы сыпались сверху из сумрака, что скрывал потолок, ударяя тех, кто был внизу. Это лишь усилило ярость толпы, которая уже была распалена уничтожением реликвий во внешнем зале.

Голос старого жреца поднялся на какофонией уничтожения Вакса снова: единственная, завывающая нота отчаяния. Что-то в этом звуке скрутило Браелю желудок. Протиснувшись мимо лысого, он бросился вон из комнаты.

Большая часть жрецов покинула внешний зал. Те, кто остались, занимались теми, кто был сильнее ранен, затем помогали им подняться на ноги и выводили через главные двери. Увидев Браеля, торопливо идущего через зал, они споро расступились, не желая провоцировать новое нападение.

Браель не обратил на них внимания. Желудок продолжало крутить, и боль позади глаз становилась сильнее. Он хотел убраться подальше от храма, прежде чем его стошнит.

На территории храма стояла большая толпа. Браель предположил, что их привели сюда вести о беспорядках. Но нет — заметил он, глядя в сторону дверей санктума, через которые только что вышел. Они смотрели в ночное небо. Некоторые показывали пальцами. Другие бормотали. И никто, похоже, был не в восторге от того, что видит.

Посмотрев вверх, Браель увидел небо в огнях. Они падали сквозь чернильную темень, оставляя за собой короткий, горящий след. Потрясённый, словно ударом в грудь, он снова стоял посреди своего двора со своим сыном. Через секунду его жена появится из дома, и они встанут рядом, глядя на представление в небе. Не было войны, не было вторжения. Никто не умер. Была лишь дёргающая боль в задней части черепа.

— Боги урожая и дома, хватит! — взывала какая-то женщина. Мужчина рядом обнял её и привлёк к себе. Другие подхватили её плач.

— Это ваших рук дело! — гнусаво закричал жрец. Оторвав взгляд от падающих огней, Браель увидел того самого юношу со сломанным носом, которого встретил за стенами храма.

— Вы и вам подобные осквернили храм, уничтожили Священный Вакс и накликали новые бедствия на всех нас. Смотрите! — он ткнул трясущимся пальцем в небо. — Наше проклятие подтвердилось! Наша единственная надежда погибла!

Ни единый голос не возразил ему.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Ключевых моментов в обороне Маллакса было три:

Время: Маллакс оказался способен организовать оборону за год, что потребовался захватчикам, чтобы достичь города. Способы, которыми были завоёваны города севернее, были исследованы через допросы выживших, собраны воедино персоналом городского либраниума и приняты во внимание при составлении планов обороны.

Живая сила: Маллакс оказался последним рубежом отступления обороняющихся почти с самого момента, когда они вошли в гражданское ополчение, чтобы усилить небольшие постоянные армии на жаловании городских баронов. В течение первых шести месяцев вторжения те, кто приходил в Маллакс, были беженцами — слишком молодые, слишком старые и женщины с семьями. Во второй половине вторжения бойцы, отступающие из разрушенных городов и селений, с мест сражений, держали путь прямо в Маллакс. Ко времени, когда начался штурм, население города увеличилось вчетверо.

Технологии: маллакские хранители приложили все усилия, чтобы сберечь своё наследие, хотя и скрытое легендами и сохранившееся в частичной и искажённой форме (кросс-ссылка 663/159 — А. Механикус архивум: мануфакториумные процессы, баллистический археотех). Оружие, хранящееся в музейных запасниках, было подготовлено против грозящего нападения. Трактаты об осадной войне были извлечены из хранилищ под либраниумом, и их тексты на высоком готике были изучены и осмыслены.

Дальнейшие исследования приводят к заключению, что, хотя подготовительные меры и оказали положительный эффект на боевой дух, большинство обороняющихся не питало иллюзий о том, как пройдёт финальная битва: улица за улицей, лицом к лицу, до последнего издыхания.

Выдержка из «Инквизиторского коммюнике 747923486/алеф/Самакс-4»

Автор: инквизитор Селена Инфантус

M41.793

Первым предупреждением стали чёрные тени, несущиеся по небу на широких, растопыренных крыльях, слишком большие, чтобы быть птицами. Затем они ринулись вниз. Затем посыпались бомбы. Наступление началось.

Бомбы отбивали по городу взрывной ритм за спиной у Браеля. Его отряд поднялся наверх с резервного пункта и сейчас занимал короткий участок изгибающейся восточной стены. Кучи хлама подпирали древние камни и сталь парашюта — лом из мануфакториумов, обломки каменной кладки зданий из внешних кварталов, которые специально разрушили ради этого. Недалеко к западу от их позиции из хлама нелепо торчало нечто, могущее быть только старым остовом кровати.

За каркасом кровати были видны высокие башни сильно укреплённых северных ворот. Все остальные ворота были наглухо засыпаны. Лишь северные могли однажды открыться, чтобы позволить населению Маллакса — которое сейчас можно было, наверное, считать всем населением Агры — покинуть город.

Глядя вдоль изгиба стены, усеянной вооружёнными людьми, держащими наготове оружие, с серьёзными

и целеустремлёнными лицами, можно было поверить, что у них есть шанс. Но, когда Браель выглянул через внутренний край парапета, он увидел столбы земли и дыма, взлетающие при каждом взрыве бомбы, увидел рушащиеся дома и услышал крики тех, кто оказался в ловушке под падающими камнями. Глядя на город, он увидел, как исчезла крыша мануфакториума от взрыва очередной бомбы. Облако промышленной грязи вылетело через окна здания и накрыло квартал, в котором стоял мануфакториум. Люди на улицах, должно быть, задыхались, ослеплённые плотным облаком сажи. Некоторые могли умереть с насмерть забитыми глотками.

Отвернуться от города и перевести взгляд на горизонт и собравшиеся там изрыгающие дым машины войны, усеянные зеленокожей нечистью, было почти облегчением.

Браель вернулся из храма Вакса и обнаружил Костеса и Перрора, осматривающих через бойницу светлеющий горизонт. Остальные бойцы проверяли своё оружие при свете нескольких масляных ламп.

Отряд вырос, заметил Браель, идя меж ними. Бойцы из шахты предпочли присоединиться к его отряду, нежели возвращаться к своим. Браель не спрашивал почему, как и не делал попыток отговорить их от явной готовности поверить в басни старой тётки.

— Головы не высовывать! — перекрикивая грохот взрывов, приказал Браель, больше для новоприбывших, чем для тех, кто сражался и выжил рядом с ним, некоторые — большую часть года. — Присутствия духа не терять!

— Мы сбили одну из этих проклятых штук у Греллакса! — крикнул Клив. — Почему бы не попробовать сейчас?

— Они слишком высоко! — крикнул в ответ Браель. В этот самый момент над ними промелькнула тень. Браель глянул вверх. Чёрный силуэт, описывающий круг в рассветном небе, выглядел таким же большим, как летающая машина, которую они сбили у обречённого Греллакса, но он кружил и носился высоко над ними, что означало, что он должен быть больше, с более широким размахом крыльев и, вероятно, лучше бронирован.

— Может быть, когда они полетят вниз на нас, — добавил он.

— Чтобы получше разглядеть побоище? — спросил Клив с кривой ухмылкой на лице.

— Они улетают! — крикнул Томбек. Барабанный бой бомб прекратился, его сменил звук осыпающейся кладки, вопли о помощи, звон пожарных колоколов и крики тех, кто был назначен управлять передвижными насосами, которые сейчас грохотали по улицам.

— Я слышал об этих штуках, но никогда не думал, что они существуют на самом деле, — произнёс один из выживших в шахте, мундаксец по имени Карел. — С меткостью у них всё равно слабовато. Сомневаюсь, что кто-нибудь из них сумел бы попасть в стену.

— Я сомневаюсь, что они для этого прилетели, — пробурчал Томбек. — Просто хотели сказать нам, чего ждать, когда они прорвутся за стену.

Карел видимо хотел сказать что-то в ответ, но сверху раздался знакомый свист.

— Артиллерия! — послышался крик откуда-то дальше по широкому как улица проходу, шедшему между

зубцами. И снова головы втянулись в плечи, руки прикрыли уши и молитвы вознеслись к богам, в которых теперь верили немногие.

Только не так, молча попросил Браель. Он подумал о разбитом Ваксе, о Вике и Броне. Я хочу ещё обогреть руки кровью, прежде чем умру. Кровью зеленокожих.

Стена подпрыгнула, когда упал первый снаряд. Раздались ликующие крики: он упал среди покинутых кварталов перед стеной.

— Пристрелка, — пробурчал Томбек.

Второй снаряд пронёсся над головами людей на западном парапете и упал среди улиц позади стены, причинив гораздо больше разрушений, чем все бомбы, сброшенные с летающих машин. Часовня, переоборудованная под лекарский пункт, испарилась вместе с ближайшими соседями. Те здания, что избежали немедленного разрушения, остались стоять, разбитые и шатающиеся, по краям широкой и глубокой воронки.

Ликование на стенах смолкло.

— Началось, — пробурчал Томбек.

Артиллерийский обстрел обрушился на стены Маллакса, словно проливной дождь, раскидывая металлические и каменные обломки, что были свезены с городских улиц, чтобы усилить древние укрепления. Мужчины и женщины, что укрылись за ними, молясь о возможности нанести ответный удар по нападавшим, превратились в клочья кожи и осколки костей. Некоторые запаниковали, выскочили из укрытий и побежали, только лишь чтобы быть срезанными роем осколков от попадания дальше вдоль стены. Стена сотрясалась под ногами защитников, словно великан ростом до небес пинал её ногами.

Карел привстал из-за зубца, за которым прятался. Лоллак, пригнувшийся рядом, удержал его за руку.

— Я не хочу просто сидеть тут и ждать смерти! — прокричал сквозь грохот обстрела мундаксец. Лоллак потряс головой и указал туда, где сидел Браель, прижавшись спиной к стене рядом с бойницей и самострельным ружьём.

— Мы двинемся, когда он скажет «Пора!», — крикнул Лоллак. — Он знает когда. Не спрашивай меня как.

Им больше ничего и не нужно было делать, кроме того, что делают сейчас, думал Браель, укрывшись в проёме парапета. До того, как кончатся боеприпасы, они могут превратить Маллакс в щебень с расстояния, недостижимого для немногих орудий, вытасненных из городского музея и поставленных обратно на службу на стены: горстка пушек, сложно выглядящая конструкция из дерева и железа, которая могла метать камни наподобие пращи, пара огромных арбалетов, способных стрелять болтами размером с небольшое дерево. Стена снова затряслась, словно в старческой лихорадке, а Браель размышлял, сколько этих музейных экспонатов пока пережило обстрел.

Захватчики могли уничтожить Маллакс из-за горизонта, но они не станут этого делать. Это не их метод. Что-то в их природе требовало, чтобы они рвали на части всё, что встретят, голыми руками. Их

устрашающие машины-орудия были лишь устройствами, чтобы достичь этого — подготовить жертву, привезти зеленокожих в битву на сверхъестественной скорости и дать им возможность оказаться в гуще разрушения. Их способность и энтузиазм к кровопролитию были поразительными, столь же нерассуждающими, как ярость бури, и во всех отношениях столь же неодолимыми.

Они придут, Браель знал. Рано или поздно, но они придут.

Разрушение северных ворот вместе с большей частью надворотных башен и ближайших укреплений, похоже, послужило сигналом для начала наземного наступления, хотя городская стена к этому моменту уже была пробита в нескольких местах. Моторизованные части — предмет ужаса и благоговейного страха даже среди тех, кто сражался с ними в прошлом — возглавляли штурм северных ворот и других брешей. Бомбардировочные разновидности планеров (кросс-ссылка 775/ксенотех — машинное устройство катапультного запуска) снова присоединились к атаке; можно предположить, что они сделали это, дабы сеять смятение в городе перед подходом наземных войск, хотя и простая жажда крови может служить равно правдоподобной мотивацией для их ксенотипа (кросс-ссылка 114/ксенология — виды оркоидов).

Несмотря на приготовления, сделанные городом, время до его уничтожения могло измеряться в часах.

Выдержка из «Инквизиторского коммюнике 747923486/алеф/Самакс-4»

Автор: инквизитор Селена Инфантус

M41.793

Браель присел, когда участок обороны справа от отряда разнесло на куски, осыпав их осколками. Тень летающей машины зеленокожих пронеслась над пригнутыми головами, словно предвестник неминуемой гибели.

— Она возвращается! — крикнул Томбек, который был первым, кто поднял голову. Костес и Перрор, съёжившиеся вокруг самострельного ружья, были первыми, кто возобновил огонь по зеленокожим, что продолжали нестись на них рваными волнами, некоторые на своих двоих, другие — в трясущихся кузовах четырёхколёсных аппаратов, что ехали на таких же толстых шинах, что и двух-трёхколёсные боевые машины. Четырёхколёсники, похоже, были созданы для того, чтобы довести свой звериный груз туда, где он мог нанести больше всего ущерба, а затем умчаться обратно, сквозь разрушенные внешние кварталы, чтобы подобрать следующий.

Самострельное ружьё рывнуло и плюнуло маслянистым дымом, когда Перрор надавил на спуск. Самодельную треногу, собранную из связанных вместе древков пик, жестоко трясло, пока он двигал тяжёлым стволом вслед за одной из отступающих моторных повозок. Тяжёлые пули взрывали землю за ней по пятам, пока машина зигзагом неслась по узкой улице в надежде увернуться от огня.

Пуля зацепила заднее колесо, оно лопнуло, юзом развернув повозку и кинув боком на широкий фасад того, что когда-то, должно быть, было складом. Сила удара обрушила стену и половину крыши.

Костес, пригнувшись сбоку от ружья, проверил, чтобы патронная лента продолжала питать внутренний механизм без помех, затем поздравляюще хлопнул Перрора по плечу.

Стены были потеряны, тут у Браеля сомнений не было. Далеко слева, обычно прикрытые изгибом стены и высотой того, что было понастроено над зубцами, северные ворота получили сразу несколько попаданий. Разбитая каменная кладка и куски защитников ворот взлетели текучим облаком, словно зеленокожие обладали властью превращать землю, на которой стоял город, в жидкость. В этот момент многие нападавшие отвернули от первоначальных направлений штурма и бросилось к разрушенным воротам. В считанные минуты первые из них ворвутся в город.

Первым порывом Браеля было повести людей на оборону бреши, но новое появление летающих машин и их взрывчатого груза прижало отряд на стене к месту.

Следуя крику Томбека, Браель глянул вверх. В небе разворачивалась летающая машина, словно пародируя грациозное птичье кружение.

Браель хлопнул Перрора по плечу. Когда стрелок оторвался от бойницы и оглянулся, Браель показал в небо.

— Как думаешь? — крикнул он. Перрор с Костесом обменялись взглядами, затем кивнули и начали разрывать булыжники и хлам, использовавшиеся для укрепления зубцов стены. На краю сознания появился зуд, который, он был уверен, не имел ничего общего с несущейся в пике летающей машиной.

Не теряя времени, Костес с Перрором вытащили ружьё из бойницы. Установив треногу на кучу обломков, которые отгрёб от стены Браель, у Перрора оставалось лишь несколько мгновений, чтобы прицелиться.

— Слава богам, он идёт прямо на нас, — пробормотал Костес за мгновение до того, как Перрор нажал на спуск.

Зеленокожий, должно быть, понял, что сейчас произойдёт. Браель увидел, как тварь потянула за рукоятки управления, свисающие спереди. Летающая машина начала отворачивать, но, будучи крупнее, чем та, что они встретили у Греллакса, она не могла так быстро изменить курс.

Обшивка одного крыла практически исчезла, когда пули самострельного ружья разодрали её, ломая распорки, затем прошили грудь лётчика и сделали то же самое с другим крылом. Пике перешло в падение.

— Назад! — заорал Браель. Он схватил Перрора сзади за тунику и дёрнул от орудия. Костес, который тоже понял, где закончится падение твари, уже бросился прочь.

Подбитая летающая машина врезалась в самострельное ружьё, рассыпая клочья ткани и куски каркаса, который словно погнался за Браелем, Костесом и Перрором вниз по стене. Томбек, Лоллак и большая часть остального отряда присоединились к ним, со всех ног убегая от переворачивающегося, скатывающегося вниз месива.

Когда летающая машина прекратила движение, они осторожно двинулись в её сторону, приготовив оружие для ближнего боя. Перрор ругал машину последними словами, грозя страшными карами, если

она повредила самострельное ружьё.

Лётчик был мёртв, его плоская голова была повернута под смертельным углом. Браель увидел несколько бомб, всё ещё прицепленных к обвязке, в которой лётчик висел под крыльями. Это были штуки с длинной ручкой и круглым зарядом на конце, размером с кулак, и выглядели равно подходящими как для метания, так и бросания с неба.

Опасения Перрора оказались ненапрасными: самострельное ружьё не пережило удар летающей машины. Пока он ругался, остальные принялись обчищать разбитую машину и лётчика.

Браель дал им столько времени, сколько смог пренебрегать опасностью, прежде чем скомандовал убираться от стены. Несколько новых членов отряда изумлённо вскинули брови — не было ни приказа, ни криков покинуть парапет, но те, кто дрался рядом с Браелем раньше, бросились прочь, не задавая вопросов.

Снаряд разнёс участок стены, который отряд Браеля должен был оборонять, размером с небольшой дом. Его выпустило из-за горизонта орудие величиной с машину, которая тягала железные караваны, прежде чем городское руководство заблокировало ворота станций и приказало разобрать пути, чтобы не дать их в руки захватчикам.

Единственной жертвой снаряда стал быстро остывающий труп лётчика планера-бомбардировщика. Браель уже уводил своих людей от стены в город.

Прорвавшись за стены, захватчики отбросили всякую видимость стратегии. Уверенные в своей окончательной победе, они, похоже, нарушили единую иерархию и разбились на небольшие группы, вероятно, определяемые племенными или семейными связями, действующие индивидуально, стремящиеся сначала уничтожить, а затем пограбить.

(Примечание: хотя вышесказанное всего лишь теория, оно основано на тщательном изучении соответствующих документов, касающихся орочьей психологии и известной тактике заключительных стадий боевых действий (кросс-ссылка 1119/ксенология — психологический подперечень: виды и подвиды оркоидов).)

Парадоксально, но это отсутствие общей тактики оказалось полезным на тесных улицах Маллакса, где полномасштабные действия невозможно было бы успешно координировать.

Бои охватывали улицу за улицей. Захватчики всё время рвались вперёд, защитники почти неприкрыто отступали.

Выдержка из «Инквизиторского коммюнике 747923486/алеф/Самакс-4»

Автор: инквизитор Селена Инфантус

M41.793

— Что, во имя всего святого, они такое? — прошипел Томбек, глядя вместе с Браелем из окна одного из обогатительных сооружений, возвышавшихся над ровной, усыпанной шлаком местности вокруг устья

шахты — зданий, окружавших ствол и будку подъёмного колеса, расположенную над самим стволом.

Вокруг будки опасно сновали фигурки: зеленокожие, но не похожие на тех, кого они встречали до сих пор. Эти были меньше, чем те звери, что буйствовали по всему городу, даже меньше человека среднего роста, прикинул Браель. И вооружены они были, похоже, более лёгким оружием, чем их крупные собратья: пистолетами и жутко зазубренными ножами. На них было мало брони, а на некоторых она вообще отсутствовала, и передвигались они между кучами шлака и ближайшими к шахте зданиями стремительными перебежками. Невозможно было подсчитать, сколько их тут на поверхности.

— Они, должно быть, выбрались наверх из шахты, — прошипел в ответ Браель, жестом призвав Томбека бесшумно скользнуть назад от окна. Остальной отряд ждал на соседней улице. Те, кто узнал часть города, в которой они оказались, после того как Браель вытащил их из упорного — улица за улицей, — но всё же отступления к старому городу, уже непонимающе роптали.

— Или по стенкам, или по цепи, как по лестнице, — продолжал Браель, пока они торопливо спускались по лестнице на первый этаж.

— Ты ничего не забыл? — спросил Томбек, когда они метнулись через улицу позади обогатительных сооружений. — Кобар завалил шахту. Ты был там.

— Я знаю, — ответил Браель, сигналив рукой остальному отряду из-за угла улицы, на которой те прятались. Люди собрались вокруг него, торопливо выскакивая из дверей и перепрыгивая через подоконники. — Но ты их видел. Ты видел, что они выходили из будки.

Томбек лишь хмуро кивнул и, пока Браель говорил с остальными, проверил тяжёлый пистолет, который забрал у мёртвого лётчика летающей машины. Очередное из знаний Браеля оказалось правдой. Томбек был слишком флегматичным, слишком занятым тем, что происходило здесь и сейчас, чтобы тратить время на болтовню о колдовстве, но точность знаний Браеля была сверхъестественной. Тот всегда отвергал разговоры об этом, как о чем-то, кроме везения, но, как однажды сказал Феллик, Браель, должно быть, выращивал везение вместе со скотом у себя на ферме, раз сумел накопить так много. И в этот раз он привёл отряд обратно к шахте, словно охотничья собака по запаху. Он знал, что там была опасность, опасность, которую нужно встретить.

— Мы все знаем, что вскоре станет с Маллаксом, — Браель удивил всех, добавив коду к своим обычно сжатым указаниям. — И может мы не знаем точно, как это произойдёт, но мы знаем, что то же самое станет и с нами. Я фермер. Я никогда не хотел стать солдатом, но зеленокожие меня им сделали. Они сделали то же самое с большинством из вас. Всё, что я когда-либо хотел сделать с тех пор, как начался этот кошмар, — заставить этих скотов пожалеть, что они превратили меня в солдата.

Люди вокруг согласно кивнули. Браель всмотрелся в окружающие его лица.

— Для меня стало честью знакомство с вами, неважно насколько долгим оно было. А теперь, давайте. За Маллак. За Агру.

— За Маллак. За Агру, — тихо отозвалась большая часть, затем отряд двинулся на назначенные позиции.

Может быть виной тому был его меланхолический характер, говорил себе Томбек, но он не мог избавиться от ощущения, что только что услышал прощальную речь на похоронах отряда.

С удобной позиции у окна сверху, которым Браель с Томбеком раньше воспользовались для разведки местности, Фрейта Лодзь смотрела, как большая часть отряда бежит из проулка между зданиями к будке подъёмного колеса шахты. Ни один мелкий зеленокожий их пока не заметил. Браель хотел подобраться как можно ближе к цели, прежде чем испугнуть всех тварей до единой в пределах слышимости звуками выстрелов — даже если выстрелы прикрывали бы их наступление.

Два разномастных заряженных мушкета торчали в окнах рядом с тем, из которого она выглядывала. Ещё пять человек были назначены прикрывать наступление, каждый со своей точки; между ними разделили все ружья отряда и весь запас пуль и пороха. Те, кто сейчас бежал к будке, были вооружены только ручным оружием.

Что-то мелькнуло между зданиями справа. Фрейта прижала приклад к плечу и повела стволом. Один из мелких зеленокожих, вооружённый пистолетом, целился в спину Лоллаку.

Думая о Викоре и матери, Фрейта спустила курок.

Это был лишь очередной выстрел в городе, который гремел от звуков машин смерти, но его оказалось достаточно, чтобы предупредить зеленокожих, что они не одни. Браель рискнул глянуть вправо: один из мелких зеленокожих лежал, раскинув руки и ноги, между двумя зданиями. Его дружки, собравшиеся вокруг будки, обернулись, злобно оскалив чересчур крупные зубы и вскинув оружие.

Ещё несколько шагов, вот всё, чего я прошу, подумал он, затем навскидку выстрелил из трофейного пистолета. Морда зеленокожего разлетелась, прежде чем тот успел выстрелить из своего.

Взгляд вперёд показал новую неприятность. Колесо над будкой начало поворачиваться. Клеть поднималась.

Выстрел выбил впереди него фонтанчик земли. Новые зеленокожие выбегали из проходов между зданиями, что окружали шахту. Может быть, они действовали как разведчики у своих крупных сородичей? Тварь, что промахнулась по Браелю, почти рассёк пополам трофейный тесак Томбека, которым тот взмахнул на бегу, держа параллельно земле.

Браель ударил другого зеленокожего рукояткой пистолета, который теперь неуклюже держал в увечной руке. Здоровой рукой он сжимал собственный тесак, который обрушил на тварь, когда та свалилась полуоглушённая ему под ноги. Зеленокожие покрупнее были объектами как благоговейного страха, так и ненависти, но от этих мелких тварей у Браеля бежали мурашки по коже.

Что-то мелькнуло возле щеки, — он обернулся: покрытый пятнами ржавчины, зазубренный клинок, который держало очередное маленькое чудовище. Неожиданно показалось, что их вокруг целая стая, несмотря на заградительный огонь Фрейты и других, которые снимали по зеленокожему каждым выстрелом.

Браель ударил коленом в грудь твари, откинув её назад, и рубанул тесаком по верещащей, красноглазой

маске.

Колесо над побоищем медленно остановилось.

Клив был ближе всех к будке. У него текла кровь из рваного пореза на руке, нанесённого последним зеленокожим, которого он убил, сбив того на землю ударом рукояти широкого меча и топча ногами череп, пока не послышался хруст костей. Он был всего в шаге от двери и располагавшихся почти сразу за ней ствола шахты и клетки подъёмника. Заряд взрывчатки, который отдал ему Браель со сбитой летающей машины, висел на поясе. Внутри ещё могут быть мелкие зеленокожие, он не сомневался, но будет уже поздно. Они не смогут помешать ему использовать бомбу.

Бросив меч, Клив снял бомбу с ремня и приготовился выдернуть шнур, торчавший из конца длинной ручки. Это активирует заряд. Он бросит его в клетку, как только откроет дверь будки.

— За Маллак! — крикнул он. — За...

Он не услышал знакомого кашляющего грохота, потому что первая же очередь со столь близкого расстояния разнесла ему верхнюю часть тела практически в кровавые брызги. Руку, державшую неактивированную бомбу, оторвало у локтя. Она тяжело стукнулась оземь. Зеленокожий, занявший весь дверной проём будки, взвыл что-то непонятное и, не разбирая, осыпал место побоища огнём, убивая как своих мелких сородичей, так и агранцев, которые неожиданно заметались в поисках укрытия.

Костес неуклюже упал, левое колено из-под него выбило. Боль была неопишуемой, но он сумел отцепить заряд, который нёс, и перебросить его туда, где за кучей векового шлака пригнулся Перрор. Тот поймал заряд, положил его к ногам, затем сделал движение, словно собираясь броситься к Костесу.

— Не сюда! — крикнул Костес сквозь сжатые зубы. Он ткнул пальцем в будку, откуда появились ещё двое крупных зеленокожих. Вспомнив своё путешествие в тесной клетке, он подумал, сколько же этих зверюг, увешанных своим громоздким оружием, смогли бы за раз подняться на поверхность?

На мгновение Перрор словно замер в нерешительности. Затем кивнул, подобрал заряд Костеса, выдернул шнур и встал, чтобы метнуть его в будку. Тот был ещё в воздухе, когда Перрор отцепил свою собственную бомбу, выдернул шнур и бросил её вслед за первой.

Один из зверей в дверях почти мгновенно среагировал на движение сбоку, разрезав Перрора надвое длинной очередью из самострельного ружья. Бомбы, однако, были уже в полёте.

Двойной взрыв превратился в тройной удар, когда от бомб Перрора сдетонировал оброненный заряд Клива, окутав будку дымом и засыпав землю у двери ошмётками окровавленного чужацкого мяса. Один из зеленокожих — самый дальний от того места, откуда Перрор бросал заряды — всё ещё корчился, его единственный оставшийся глаз яростно сверкал. Карел, большая часть отряда которого погибла в шахте, вонзил широкий охотничий нож — всё, что осталось от его предыдущей жизни — глубоко в красную глазницу.

Он всё ещё стоял, склонившись над уже не корчащимся телом, когда, ревя от ярости и истекая кровью

из десятка небольших осколочных ранений, из дыма, который окутывал разбитый и покосившийся дверной проём будки, появился четвёртый зеленокожий.

Раздался залп отрывистых хлопков, словно треск петард на празднике урожая. Зеленокожий отступил на шаг, удивлённый ударами мушкетных пуль, которые рикошетили от нагрудника, и схватился за те места, где две пули нашли незащищённое тело. Он вызывающе взревел в сторону снайперов, которых не видел, затем шагнул вперёд, к Карелу, который соответственно шагнул назад. Охотничий нож в руке мундакса смотрелся абсурдно жалким по сравнению с широким топором, который держало приближающееся чудовище.

Пистолет, который Браель подхватил там, где тот выскользнул из разжавшихся пальцев мелкого зеленокожего владельца, когда выстрел из собственного трофейного пистолета Браеля насквозь пробил ему череп, издал низкий хлопок. Огромный зеленокожий дёрнулся назад, вскинув руку к морде, и упал на колени.

Томбек уже бежал к нему, отбрыкиваясь от мелкого зеленокожего, который скакал вокруг, пытаясь пырнуть его длинным кривым клинком. На большом зеленокожем был шлем, который закрывал заднюю часть шеи, так что Томбеку оставалось лишь одно хорошее место для удара.

И словно по подсказке, тварь отняла руку от лица. Одна сторона её огромной, похожей на лопату, челюсти представляла собой истекающее кровью месиво. Томбек замахнулся и прыгнул вперёд.

Зеленокожий увидел приближающего врага, но не успел среагировать. Лезвие тесака ударило его под подбородок, перерубив гортань и засев между плотными мускулами толстой шеи. Лезвие также попало в артерию, окатив Томбека струёй густого ихора, когда он кинулся в сторону, чтобы избежать какой-нибудь рефлекторной контратаки умирающего зверя.

— Боги, это что — всё? — вопрос Лоллака повис в воздухе. Браель внезапно понял, что, похоже, никого, с кем сражаться, не осталось: земля перед будкой была усеяна разноразмерными зелёными телами. Если какие-то из мелких тварей и уцелели, то они уже наверняка попрятались в те укрытия, откуда появились. Были ли они от природы трусливыми созданиями, так не похожими на своих кровожадных родичей?

Услышав уже знакомый скрип над головой, он посмотрел вверх. Колесо снова закрутилось.

— Томбек! Лоллак! За мной! — гаркнул Браель. — Остальные, прикройте нас.

Он кинулся к двери будки, оставив пистолет на земле и держа наготове тесак, чтобы отбить нападение, которого ждал, едва прыгнет за дверь.

Мелкий зеленокожий за управлением воротом был тяжело ранен, его тело было нашпиговано осколками. Ещё одна тварь лежала неподалёку, уставившись в потолок мёртвыми глазами. Увидев Браеля, раненый успел издать единственный визг, прежде чем его обезглавленное тело рухнуло там, где стояло, всё ещё сжимая в руках рукоять управления воротом. Голова, пущенная в воздух ударом Браеля, подпрыгивая, докатилась до другого зелёного тела и остановилась.

Браель схватился за рукоять и потянул обратно, останавливая клеть где-то там внизу, в стволе шахты. В неожиданной тишине, сменившей лязг тяжёлой цепи, уходящей в шахту, он услышал голоса —

горловые, звериные голоса, — эхом отдающиеся из глубины.

— Сколько ж их там внизу? — громко поинтересовался Лоллак. Он и Томбек двинулись к открытому затвору шахты. Оба отцепили с поясов последние бомбы из летающей машины.

— И как они попали туда? — прибавил Томбек. — Кобар обрушил им на головы штольню. Если у них есть машины, которые могут пробурить такое...

Его размышления вслух затихли. Возможно, зеленокожие нашли другой путь в шахту, но Браель сомневался в этом. Маб потратила годы, изучая расположение штолен, и была уверена: туннель был единственным. Это означало, что захватчики пробились сквозь гору камней, которую Кобар обрушил меньше чем день назад.

— Не на что нам надеяться, так ведь? — спросил Лоллак, словно поняв это впервые.

— Нет, если они выберутся на поверхность, — ответил Браель. Томбек кивнул и активировал бомбу. Лоллак собрался сделать то же самое.

— Прибереги свою, — посоветовал Браель. — У меня такое чувство, что она нам понадобится.

Они бросились прочь из будки подъёмника, когда бомба ещё падала. Остатки отряда, каждый из которого получил как минимум лёгкое ранение, последовали их примеру, рванув к зданиям, в которых сидели снайперы.

Взрыв был еле слышен, почти потерявшись среди грохота тяжёлой артиллерии, всё ещё молотящей по стенам города. За ним, однако, последовало гораздо более сильное сотрясение, заставившее землю под ногами пойти волнами. Обернувшись к будке, они увидели, как вышка, к которой было прикреплено колесо, начала проваливаться сама в себя. Сначала одна балка, потом другая, всё быстрее, словно лист, который сминает в ладони сжимающаяся рука.

Затем вышка внезапно пропала из виду в чёрных клубках дыма и сажи, утянув в шахту вместе с собой крышу и стены будки.

— У них, небось, были свои бомбы, — пробормотал Карел.

— Это тоже была одна из их бомб, — прибавил Томбек. Браель с изумлением увидел, как большой, меланхоличный винарец улыбается под второй кожей из грязи, крови и чужацкого ихора, которую, впрочем, теперь носили все.

— Куда теперь? — спросил Лоллак. Снайперы покинули свои позиции и осторожно выходили наружу, обшаривая местность стволами мушкетов. Браель улыбнулся, увидев, как из дверного проёма склада, перед которым они собрались, появилась Фрейта. Заметив Браеля, та улыбнулась в ответ.

Услышав вопрос Лоллака, все повернули взгляды к Браелю.

— Думаю, туда, где от нас будет больше пользы, — произнёс он, не сумев придумать лучшего ответа. На секунду безнадежность их положения едва не одержала над ним верх. Неважно, куда они отправятся, —

окончательным итогом будет одно: полное уничтожение.

— Нам нужно уходить, на случай, если шум привлечёт большие силы. Мы же не хотим тут застрять, — Браель заставил себя думать конструктивно. — Ты можешь двигаться? — спросил он Костеса, того поддерживали двое, которых Браель не припоминал — они присоединились к отряду после первого дела в шахте. Костес напряжённо кивнул, но боль была написана у него на лице крупными буквами. Раскрытое колено обмотали полосами ткани, оторванной от чьей-то туники, но рана всё равно сильно кровоточила.

— Когда не смогу идти дальше, оставьте меня с одной из них, — сказал Костес сквозь гримасу боли, показывая на оставшиеся у Браеля и Лоллака заряды.

Браель улыбнулся и кивнул. Он как раз собирался отдать приказ выдвигаться, когда фасад ближайшего здания растворился в облаке древней кирпичной пыли и разлетающихся осколков. Отряд рассыпался: одни бросились на землю, ища укрытия, другие попрыгали обратно в ближайшие двери.

Опустившись на колено и заняв в дверях, из которых только что вышла, положение для стрельбы, Фрейта навела длинный ствол мушкета на клубы пыли, которая всё ещё висела в провале, только что бывшем стеной склада. Что-то выступало на свет. Что-то большое. Что-то, что ревело тем же клопочущим от масла голосом, что и колёсные боевые машины зеленокожих.

Она была создана похожей на человека — две руки, две ноги, тело, словно бочка в два обхвата, в полтора раза выше Томбека, самого рослого из отряда Браеля. Вместо шкуры её покрывали кованые металлические пластины, вразнобой сбитые заклёпками и размалёванные грубыми племенными клеймами того же вида, что украшали все машины и оружие захватчиков.

И она была не одна.

Ещё два ревущих металлических создания шли по бокам от первого. Вместо одной руки у одного из боковых созданий торчало нечто, похожее на двуствольную пушку, левая рука другого заканчивалась у запястья циркулярной пилой. Вращающиеся зубья сливались в размытую полосу. Другие руки машин заканчивались так же, как обе руки первой — тяжёлыми клещами.

Фрейта успокоила дыхание и выстрелила в длинную щель на передней части той машины, что шла с левой стороны троицы. Пуля срикошетила от металла. Предупреждённая о присутствии врага, машина повернулась, выплюнув струи чёрного дыма из двигателя, привинченного сзади на манер тяжёлого ранца, и повела пушкой.

Фрейта уже бежала, когда дверной проём, за которым она пряталась, разлетелся. Двигаясь зигзагом, она укрылась за одной из куч шлака, что усеивали местность вокруг шахты. Боевая машина перевела прицел и потопала к рассеянному отряду Браеля неровным строем вместе со своими товарками. Люди Браеля принялись безрезультатно осыпать её шкуру выстрелами, паля из мушкетов и трофейных пистолетов.

Увидев, что пушка повернулась к куче древней, слежавшейся породы, за которую прыгнула Фрейта, Браель вскочил на ноги, на ходу активируя заряд. Но поторопился бросить и ошибся с расстоянием. Заряд взорвался в стороне от цели, не причинив никакого вреда. Пушка джаггернаута выстрелила снова,

превратив террикон в воронку.

— Отступаем! — заорал Браель. — Отступаем!

Машины разделились, стараясь окружить хотя бы нескольких человек. Пушка выстрелила снова — забрав жизни двух новобранцев из шахты, — и снова, на этот раз испарив ополченца, которого Феллик спас во время отступления из Греллакса. После каждого выстрела ей требовалась всего секундная пауза, и она снова была готова стрелять.

Визг циркулярной пилы стал натужнее, когда та прорезала широкие деревянные двери склада, куда, Браель видел, убежал ещё один из отряда. Пила вышла обратно, и рука-клещи нырнула внутрь. Раздался короткий вскрик, резко оборвался. Клещи влажно блестели, когда машина вытащила их из проёма.

Нога первой из машин, появившейся тут, тяжело опустилась рядом с лежащей ничком фигурой с раскинутыми руками и ногами. Когда машина потопала дальше, тело двинулось. Оттуда, где Браель сейчас прятался — за перевёрнутой грузовой тележкой, — он видел, что это Лоллак. Из-под себя тот вытащил последнюю из трофейных бомб. И, вскочив, бросился за машиной, что прошла мимо.

Браель выстрелил в смотровую щель машины, стараясь не дать ей заметить Лоллака, которой активировал заряд и метнул его плавным движением из-под руки. Заряд пролетел между суставчатых ног чудовища и приземлился прямо под туловищем, когда машина сделала очередной шаг.

Браель мельком заметил, как Лоллак нырнул в сторону, прежде чем машину рвануло изнутри. Из двигателя, привинченного к спине, полыхнуло пламя. Куски искорёженного металла сорвало с обшивки туловища, и они, кувyrкаясь, разлетелись в разные стороны. Вокруг и изнутри корпуса за клубился дым, извергаясь струёй из смотровой щели. Одну ногу оторвало взрывом, и машина опрокинулась набок, двигатель бешено взвыл на секунду — и смолк. Густое, дурно пахнущее масло начало набираться в лужу вокруг неподвижного остова.

Лоллака нигде не было видно.

Браель пробежал мимо ещё горящего металлического трупa. В воздухе уже разносилась тошнотворно-сладкая вонь палёного мяса. Оглянувшись вокруг, Браель заметил лежащую фигуру, явно отброшенную взрывной волной. Как и прежде, руки и ноги Лоллака были раскиданы под неестественными углами. В этот раз, однако, он не притворялся.

Браель увидел месиво, в которое взрыв и град осколков превратили одну сторону головы Лоллака: окровавленная, разорванная кожа, сквозь которую виднелась кость. Глаза Лоллака были открыты, белки залило кровью, и они слегка выскочили из орбит. Из полуоткрытого рта текла густая струя крови.

Внезапно Браель ощутил себя очень уставшим. Таким уставшим он не чувствовал себя с того момента, как началась война. Он не мог даже себе представить, что можно быть таким уставшим. Всё конечно, ощутил он внезапную уверенность: война, его жизнь, всё.

Землю тряхнуло. Браель повернулся и увидел одну из товарок мёртвой машины, топающую к нему. Вращающаяся пила визжала, машина замахнулась, готовая обрушить на него своё оружие. Браель понимал, что нужно что-то делать — бежать, прятаться, контратаковать, что-нибудь, — но, когда время

словно растянулось, и скрежещущее лезвие зависло над ним словно на всю жизнь, он также понял, что всё, что он делает, не будет иметь никакого значения.

Где-то в вышине над головой Браель вроде бы услышал завывание ещё одного двигателя — очередная из боевых машин захватчиков, он не сомневался. Затем каждый волосок на коже у него встал дыбом. Кожу начало покалывать, во рту появился металлический привкус.

А затем с неба упало солнце, отбросив боевую машину в сторону.

Поток бело-синего сияния ослепил Браеля, толчок тёплого воздуха словно поднял его и отбросил в противоположную сторону. Браель тяжело рухнул, затем рефлекторно перекатился на ноги. Апатия, охватившая его, пока он стоял на коленях над телом Лоллака, исчезла. Тряся головой и смаргивая световые пятна, мельтешащие в глазах, он потянулся к поясу, но нащупал лишь старый охотничий нож, который носил с собой с тех времён, как покинул свою ферму. Трофейный пистолет и тесак зеленокожего пропали.

Машинный вой, который он слышал, стал интенсивнее, хотя тон его — ниже, словно механизм замедлялся. В то место, где стояла боевая машина зеленокожих, на обутые в броню ноги тяжело приземлилась фигура. Как и творение зеленокожих, она была в полтора раза выше человеческого роста, её гладкую, твёрдую кожу украшали символы: перекрещенные стрелы и крылья на массивных пластинах, что закрывали плечи. Кожа была тёмно-красной, почти цвета свернувшейся крови, и, хотя была твёрдой и негнущейся, как кожа шагающих машин захватчиков, её чёткие линии повторяли силуэт человека. А тусклое сияние напомнило Браелю даже чем-то блеск обожжённой керамики.

Машинный свист исходил из устройства, прикреплённого сверху к спине и плечам фигуры. Лопатки турбин в двух соплах были раскалены добела, их жар омыл Браеля, когда он наконец-то проморгался от зайчиков в глазах. В одной руке фигура сжимала меч длиной в руку человека, несущий ряд острых зубьев, которые, Браель не сомневался, могли превратиться в расплывчатую вращающуюся полосу за мгновение ока. В другой руке фигура держала нечто похожее на пистолет. Слабое бело-синее свечение плясало вокруг ствола оружия.

Ощувив, что за ней наблюдают, фигура повернулась. Её похожее на маску лицо несло пару красных, светящихся глаз, напомнив Браелю кровавую злобу во взглядах захватчиков. На груди выделялась пара развёрнутых крыльев, которые Браель уже видел — на настенной драпировке санктума в храме Священного Вакса.

С изумлением, которое едва не лишило его духа, Браель понял, что стоит перед одним из обожаемых Викою звёздных богов.

С тем же снижающимся звуком заспанных двигателей, с неба упали ещё три фигуры краснокожих богов. Ещё находясь на высоте окружающих крыш, они выпустили залп разрывных снарядов по оставшимся машинам. Снаряды взрывали землю вокруг чудовищ, чьи пушки были задраны вверх, насколько возможно, и вели ответный огонь. Один из выстрелов ударил бога в верхнюю часть груди, выбив того из общей с товарищами посадочной траектории. Стараясь восстановить управление полётом, фигура пробила крышу одного из складов и исчезла в фонтане щепок и обломков.

Оставшиеся трое всаживали выстрел за выстрелом в круглобокую машину, которая, спотыкаясь, отступала под многочисленными ударами, а затем рухнула на землю и замерла, истекая маслом и дымом из трещин и дыр в корпусе.

Дико озираясь, Браель увидел, как выжившие члены его отряда появляются из укрытий, чтобы посмотреть, как приземляются боги и занимают, как Браель с удивлением понял, позиции по периметру. Дверь склада вылетела наружу, заставив богов сместиться, приготовившись встретить новую угрозу. Когда появился бог, в которого попал снаряд пушки, они снова заняли прежнее положение.

Браель с облегчением заметил среди выживших Фрейту, хотя одна сторона её лица была вымазана чёрным от взрыва и красным от крови, что обильно текла из длинного пореза на коже головы. Увидев Браеля, та закричала остальным. Люди заоборачивались, видя, как он стоит перед одним из небесных существ.

Скрежещущим, механическим голосом звёздным бог заговорил с Браелем. Большая часть того, что он сказал, была непонятной, хотя Браель с изумлением обнаружил, что смог разобрать два-три слова. Затем металлическая тирада закончилась, и звёздный бог отвернулся и зашагал к своим, над которыми, похоже, обладал некоторым главенством.

Фрейта подбежала к Браелю вместе с многими другими, в том числе и Томбеком. Высокий винарец ненадолго задержался у тела Лоллака.

— Они..? Они на самом деле..? — задыхаясь, спросила Фрейта.

— Звёздные боги? — ответил Браель, едва сдерживая слёзы, так сильно он ощущал в этот момент присутствие Вики. — Я... Я думаю, да.

— Он говорил с тобой? — спросил один из новобранцев из шахты. — Мне показалось, я слышал, как он говорил с тобой. Что он сказал?

— Я не уверен, — Браель попытался найти какой-то смысл в тех нескольких словах, что понял. — Было похоже на нашу речь, но там было много, чего я не понял. Я думаю, он сказал: «Охотничьи птицы верховного бога».

— Наверное, так их зовут, — прибавил Томбек.

Другие присоединились к обсуждению, но у Браеля внезапно вылетели из головы все мысли и на глаза навернулись слёзы. Он махнул, как ему показалось, обнадёживающе Фрейте, затем медленно побрёл мимо тела Лоллака и всё ещё тлеющих останков боевой машины, которую подорвал мёртвый терраксец. Он смутно осознавал, что звёздные боги передвигались по близлежащей местности, проверяя её на отсутствие угроз, вероятно, перед прибытием своих собратьев — истории Вики упоминали о целых армиях богов, всецело служащих своему собственному, верховному богу.

Вика. Его мёртвая жена словно прошла перед ним, ведя за руку сына и рассказывая ему истории, которые тот никогда не уставал слушать. Воспоминания о её голосе, ощущение, что она здесь, близко — лишь протяни руку, были столь сильными, что угрожали раздавить его. На секунду зрение подёрнулось серым. Пронзительный вой, поднимаясь, заполнил уши.

Внезапно, Вика и Брон исчезли. Пронзительный вой оказался звуком, идущим из последней погибшей машины захватчиков. Браель шёл к ней, не осознавая того, следуя за видением своей жены. Переведя взгляд на машину, он увидел, что кусок её верхней части сорвало попаданием по касательной. Смотровую щель разворотило: там виднелась зелёная кожа и горящий красный глаз.

Рука с клещами была разбита, но ей достало силы, чтобы выпрямить машину. Один коленный сустав заклинило намертво. Явно не подозревая о присутствии Браеля, захватчик внутри похожего на бочку корпуса поворачивал машину медленной, шаркающей поступью, пока не развернулся передом к звёздным богам, трое из которых стояли вместе, а четвёртый устанавливал на земле неподалёку какое-то устройство. Огонёк наверху устройства равномерно пульсировал. С натужным скрежетом пушка боевой машины навелась на тёмно-красные фигуры.

Бессвязно завопив, Браель кинулся к машине и взметнулся в воздух. Ударился телом прямо за плечевым суставом повреждённой руки с клещами. Цепляясь руками и за неровности перекрывающихся пластин брони и скребя ногами, взобрался повыше на корпус машины и выхватил из-за пояса охотничий нож.

Зеленокожий внутри машины не собирался отвлекаться на неожиданное нападение сбоку. Он выпустил два быстрых выстрела по бронированным фигурам, решив, что отведаёт крови, даже наплевав на собственную судьбу. Но крик Браеля сделал своё дело. Предупреждённая, групповая цель зеленокожего бросилась врассыпную: двое в стороны, третий взмыл в воздух с отрывистым звуком выхлопов. Все трое навели оружие на боевую машину — резко взлетевшему члену группы пришлось заложить в воздухе пируэт, чтобы прицелиться.

— Нет! — закричала Фрейта и бросилась бежать к боевой машине. — Не стреляйте! Вы попадёте в Браеля!

Машина дёргалась и моталась корпусом из стороны в сторону, пытаясь сбросить Браеля, который накрепко вцепился в неровную, усеянную заклёпками поверхность одной рукой, держа нож в другой и подбираясь к смотровой щели и куску обшивки, который был отогнут назад, как человек очищает кожуру с фрукта, чтобы добраться до мякоти.

Зеленокожий внутри машины, должно быть, догадался о его намерениях, потому что начал бросать машину отчаянными рывками и прыжками, которые стали ещё дёрганней из-за повреждённого колена. Браель почувствовал, как одна нога соскользнула со стыка внахлёт двух пластин металла, и понял, что осталось всего несколько мгновений, прежде чем его сорвёт с машины.

Оттолкнувшись второй ногой и подтянувшись свободной рукой, он мотнулся вокруг круглого бока машины и по локоть вонзил руку с ножом в дыру на металлической шкуре.

Лезвие попало во что-то и вошло глубоко. Изнутри машины раздался вой, Браель выдернул руку и ударил снова. Машина судорожно задёргалась, отражая боль и ярость своего водителя. Рука с клещами неожиданно взметнулась, вскользь ударив Браеля по виску. Это, вместе с неожиданным обратным рывком машины, сбросило его на землю.

Первый разрывной болт звёздных богов ударил в машину, когда Браель был ещё в воздухе. Он сильно грохнулся о землю, чувствуя, как что-то ломается, когда плотный, рвущий слух залп оружия богов пронзил машину зеленокожего, сначала изрешетив, а затем раскромсав металлический панцирь и

превратив тварь внутри в кашу.

Лёжа на спине, Браель увидел на собой одного из богов, падающего к нему с небес. Чем ниже опускалась фигура, тем сильнее чувствовал Браель давление в голове. Кровь струёй хлынула у него из носа, и в голове загрохотало. В ушах раздалось шипение, когда звёздный бог коснулся земли, затем опустился на колени рядом с ним. Он сунул в кобуру пистолет и повесил на пояс меч. Бронированные руки потянулись к защёлкам вокруг шеи, и бог снял с лица красноглазую маску.

Золотые глаза, думал Браель, пока темнота надвигалась, чтобы поглотить его. Вика была там, вместе с Броном. Они стояли за домом, глядя как огни чертят след по небу. У звёздного бога были золотые глаза.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«...во имя Императора...во имя Императора...во имя Императора...»

Сигнал, обнаруженный имперским картографическим судном дальней разведки «Маяк надежды», M41.791

За те недели, что Браель пробыл здесь, он уже привык к звукам лекарского пункта — шагам медсестёр и костоправов меж коек, рядами расставленных по бывшей сыромятне. Его кровать находилась на третьем этаже этого высокого и широкого старого здания. Ниже располагалось отделение для более тяжело раненных. Операционные столы находились на первом этаже. Иногда крики были настолько громкими, что были слышны даже на его этаже, вторгаясь в сны Браеля, да и, наверное, каждого в отделении.

Запах старой кожи и животных отходов, использовавшихся для дубления шкур, вьелся в стены. И по ночам словно сочился из досок пола. Но Браелю это не мешало — запах напоминал ему о доме.

Звуки битвы пропали. Поначалу, лекарский пункт представлял собой хаос — кричащие раненые, разложенные прямо на голом полу, в лужах собственной крови. Браель позже узнал, что Костес умер здесь — жизнь утекла из него через раздробленное колено. Костоправы и медсёстры не могли сделать ничего, лишь возносить молитвы, делая перевязки. Выживут раненые или нет — было в руках богов.

Звёздных богов, напомнил себе Браель.

Томбек рассказывал ему во время посещений, что высадилось ещё больше облачённых в тёмно-красную броню божеств. Они были быстрее и сильнее любого человека, а их доспехи были скорее боевыми машинами, чем защитой. Винарец благоговейно рассказывал об огромных летающих машинах, что гремели подобно надвигающейся грозе, изрыгая всё новых и новых богов из своих утроб, и о летающих машинах поменьше, что скользили над крышами, осыпая зеленокожих на улицах огненными стрелами. Спешившись, боги прошли через город подобно очищающему огню, редко произнося хоть слово, но действуя так слаженно, будто всю жизнь провели за войной.

Когда он слушал Томбека — и Фрейту, и даже Феллика, который выжил при штурме, выведя сборный отряд ходячих раненых на улицы вокруг лекарского пункта, куда его принесли после нападения в шахте, — сломанные ноги и рёбра Браеля начинали чесаться от желания побыстрее выздороветь. Ему не терпелось покинуть отделение, чтобы увидеть все эти чудеса собственными глазами. Он размышлял

ночами, когда сон бежал от него, или днями, когда давила скука, — не было ли это наказанием ему за неверие в звёздных богов?

Зеленокожие отступали из Маллакса, оставляя свои трупы для ям и погребальных костров (инженеры Маллакса уже прикидывали, сколько энергии может дать сжигаемый зеленокожий), разбитые боевые машины — для лома и запчастей (уже разрабатывались планы постройки безрельсового железного каравана). Если бы не бесчисленные потерянные жизни, вторжение можно было бы даже посчитать неожиданно свалившимся с неба богатством.

Первая волна Имперских Ястребов заняла несколько ключевых точек в осаждённом городе. Навигационные маяки были установлены в наиболее подходящих местах, и с боевой баржи «Карминный коготь» отправились следующие группы космических десантников. Моя команда находилась на «Когте» во время путешествия к Самаксу-4, так что я могла наблюдать за операцией из часовни мостика баржи.

Имперские Ястребы специализируются на стремительных атаках с воздуха, применяя нападение с большой высоты при помощи прыжковых ранцев, за которым следуют поддерживающие вылазки силами эскадрилий лендспидеров, часто сбрасываемых с высоты и на большой скорости с десантных «Громовых ястребов». Эффект, производимый на не ожидающего нападения врага, может стать ошеломляющим — как было в случае с Маллаксом.

За год практически беспрепятственного продвижения на юг вдоль единственного крупного континента Самакса-4 захватчики стали беспечными, их дисциплина (вечное слабое место) ослабла. Хотя оборона осаждённого города была упорной и впечатляющей по меркам местных жителей, для чужаков она не представляла особенной проблемы. Но неожиданного прибытия роты космодесанта — четвёртой роты Имперских Ястребов — оказалось достаточно, чтобы обратить военную кампанию вспять. Меньше чем через неделю после первой атаки Имперских Ястребов захватчики уже отступали по всему фронту и, пока я пишу это, Ястребы готовятся к серии молниеносных ударов за линию фронта отступающих чужаков, чтобы, воспользовавшись неразберихой, внести ещё больше смятения в их ряды.

При подобном положении дел будет уместным признать, что сторонний наблюдатель мог бы ожидать от захватчиков более быстрого покорения Самакса-4, учитывая отсутствие технологических ресурсов и культурную отсталость на стороне аборигенов. Что может служить доказательством теории Харкнесса о релятивизме оркоидов (кросс-ссылка 999/ксеноантропология/еретические произведения/Харкнесс В. (отлуч. М41.664)), которая утверждает, что на мотивацию и тактическую изощённость этого ксеновида может влиять степень сопротивления, которое оказывает вид-жертва. Можно предположить, что захватчики не считали жителей Самакса-4 серьёзным противником.

Также вероятно, что они ждали той же степени сопротивления, что встречали на отвоёванных имперских мирах, принимая во внимание, что, по всей вероятности, ими был пойман тот же самый закодированный на готике сигнал (хотя и использовавший давно устаревший шифр), что и кораблём разведки «Маяк надежды». Вопрос, обнаружили ли сигнал чужаки позже корабля разведки из-за большей близости к планете, вероятно, останется без ответа.

Открытие, что Самакс-4 беззащитен, примитивен и достаточно богат для грабежа, похоже,

послужило ещё большим основанием для самодовольной уверенности в неминуемости его покорения.

К настоящему моменту, войсковые транспорты, несущие полки Иброганской гвардии и свернувшие по моему запросу с курса на родину после подавления восстания культистов на Эстрагоне-3, уже прибыли на орбиту. Полки были высажены вслед за наступающими Имперскими Ястребами, и, по большей части, занимаются организацией безопасности на отвоёванных землях. Некоторому количеству сержантов Иброганского 9-го было дано задание набрать и обучить местное ополчение, чтобы поддерживать усилия иброганцев и осуществлять разведку при продвижении на север.

Выдержка из «Инквизиторского коммюнике 747923486/алеф/Самакс-4»

Автор: инквизитор Селена Инфантус

M41.793

— Звёздные боги пришли не одни, — рассказывал Феллик во время очередного визита. — Есть ещё другие. Похожие на нас.

Вчера ранним утром, сообщил Феллик, с неба спустились новые грохочущие машины. Сев за остатками городских стен, они извергли сотни, а может быть, и тысячи мужчин и женщин в военной форме. Все они несли оружие, похожее на то, что было у звёздных богов, и говорили на том же языке — языке, который звучал знакомо, но в то же время совсем по-другому. Если внимательно вслушиваться, сказал Феллик, то можно уловить смысл того, что они говорят.

— Это как если бы мы говорили когда-то на одном языке, — прибавил он. — Только некоторые из нас забыли его и создали немного свой собственный. Один из них показал мне карту. Там были другие миры, похожие на наш; их так много, что не сосчитаешь. Эти люди пришли с одного из них.

Браель старался переварить новости и страстно желал увидеть всё своими глазами. Зуд под туго прибинтованными лубками отвлекал, напоминая, что пройдёт некоторое время, прежде чем он сможет вступить в один из новых отрядов, которые формировались из выживших при обороне Маллакса. Томбек поступил на службу сразу же и, к своему великому смущению, был назначен командиром взвода. Фрейта тоже записалась добровольцем. И рассказала Браелю, что хочет повести свою часть в Греллакс.

— Спасибо, что нашёл меня там, — сказала она, затем обняла и поцеловала его в щёку. — Спасибо, что дал мне причину оставаться в живых.

Сначала Томбек, потом Фрейта, — и мундаксек Карел тоже пришёл попрощаться.

— Надеюсь, что у меня будет хотя бы половина твоей удачи, — сказал он на прощание.

Глядя, как тот уходит, Браель не чувствовал себя особенно удачливым. Пока другие уходили на север, к родным местам, которые, как они считали, были потеряны навсегда, ему оставалось только лежать на койке, словно одному из мертвецов.

Моя команда спустилась на планету на борту десантного корабля, приписанного к подразделению поддержки Механикус, приданному четвёртой роте Имперских Ястребов, и оборудовала инквизиториум и придел покаяния в храме в старой части города. Там Ястребы обнаружили останки

вокс-установки пре-ересевой модели, которая, как мы полагаем, и была источником сигнала, обнаруженного «Маяком надежды». Древнее устройство явно превратилось в предмет поклонения и поддерживалось в плохом, но рабочем состоянии штатом жрецов, в которых следы мутации проявлены чётко и однозначно.

Циклопское уродство жрецов стало лишь первым из множества мутаций, больших и малых, которые до настоящего момента обнаружила и каталогизировала моя команда и я сама. Если мы хотим превратить Самакс-4 в пригодный для возвращения в лоно Империи мир, наша работа здесь только начинается.

— Вон один, — Браэль кивнул на фигуру, стоящую в дальнем конце отделения, где не было окон. Человек, одетый с головы до ног в чёрное, из-за чего его было трудно различить в мерцающем сиянии свечей, что освещали тот конец помещения.

— Видишь его? — спросил Браэль Феллика, пришедшего сказать, что тоже вступил в новый отряд.

— Они пытаются сделать меня офицером, — смеялся тот. — И, похоже, «нет» в ответ они и слышать не хотят.

Феллик будто между делом сдвинулся к концу койки, чтобы якобы расправить затёкшую спину.

— Я вижу его, — сказал он. — Есть ещё другие. Некоторые, в чёрном, — те приходят навестить новые отряды. И есть ещё другие — в красном. Они занялись мануфакториумами. Некоторые их видевшие говорят, что они на самом деле машины, которые выглядят как люди. Другие говорят, что они — люди, которые носят механизмы, как те зеленокожие носили ходячие боевые машины. У них есть свои телохранители, и они запрещают кому-либо входить в мануфакториумы, даже тем, кто раньше там работал. Правда, всё равно, никто в здравом уме к ним и близко не подойдёт.

— Я видел только таких, как этот, — сказал Браэль. — Они как будто просто ходят тут вокруг. Не разговаривают ни с кем и вроде ничего особо не делают.

— Может, просто проверяют — нет ли тут каких-нибудь симулянтов? — предположил Феллик.

— Надеюсь, что так, — ответил Браэль. — Костоправы сказали, что лубки скоро могут снять — через день или около того.

— Вот это хорошие новости! — осклабился Феллик. — Поднимайся на ноги и бери ружьё в руки. Может заберу тебя к себе в отряд, если здоровьем выйдешь!

Оба расхохотались, затем немного поговорили о прошлом, о мужчинах и женщинах, с которыми сражались бок о бок — Томбек всё ещё высматривал, не встретит ли где Массану, — но оба не касались будущего серьёзно. Слишком многое изменилось за прошедший год и ещё изменится с прибытием звёздных богов, солдат с других миров и пугающих чужестранцев в чёрном и красном.

Агра была всем, что они знали, и теперь пришлось с трудом принимать мысль, что она — лишь один мир среди тысяч — а, может, даже больше — других.

Будущее стало водоворотом непредсказуемых вероятностей, который, если смотреть в него слишком долго, грозил засосать тебя.

По словам старого друга, похоже, что больше времени на посещения у него не будет.

— Буду рад увидеть тебя на поле боя, — сказал ему Браель.

— Если только я не увижу тебя первым! — ответил Феллик. Его хохот был слышен на третьем и втором этажах.

«Хотел бы я, чтобы у меня была твоя вера, Вика», — Браель думал о жене, закрыв глаза, после того, как Феллик ушёл. Он чувствовал уверенность, что жена смогла бы принять эти перемены более легко. Звёздные боги были частью её мира всю её жизнь.

И Брон. Браель представил изумление на лице сына. Это было бы даже более захватывающим, чем смотреть, как падают с неба звёзды.

Почувствовав, что за ним наблюдают, Браель открыл глаза. Сверху вниз на него смотрела женщина, стоявшая рядом с койкой. Она была одета в чёрное. Единственный металлический значок сидел высоко над её левой грудью. Прямые волосы ниспадали до твёрдой линии челюсти. Длинный, ровный нос, тёмные глаза, прямой взгляд. Она глядела на него сверху, не выказывая никаких эмоций, напомнив Браелю, как Брон рассматривал жука, которого не видал прежде: отстранённо, просто любопытствуя, что существо будет делать дальше.

— Миледи, — сделал попытку Браель, не зная, понятны ли будут его слова наблюдательнице, — меня зовут Браель Корфе. Я пришёл с севера.

Женщина всё так же смотрела на него сверху, слегка наклонив голову набок. Никаких эмоций.

— У меня была жена. И сын. Они погибли, потому что пришли зеленокожие. Я убивал зеленокожих, прежде чем пришли звёздные боги, и я хочу убивать ещё.

Браелю показалось, что женщина при этом кивнула — движение было столь незаметным, что трудно было сказать наверняка, — затем повернулась и пошла прочь. Она носила облегающую мантию, собранную на плечах под отделанными серебром эполетами. Мантия вздувалась при ходьбе. Браель смотрел, как она прошла, даже не взглянув, мимо других коек и исчезла в дверях, ведущих на лестницу.

Как и ожидалось, Адептус Механикус наложили лапу на скудные технологические активы города. Они не обращали внимания на население, которое относилось к ним и их окружению из сервиторов с едва скрываемым страхом и отвращением. Корнелия, мой астропат, остаётся настороже, чтобы обнаружить любые неожиданные передачи на Марс, касающиеся их открытий.

Жители Маллакса и те малые остатки человеческой жизни, уцелевшие за его стенами, — дело, касающееся исключительно Инквизиции.

Она вернулась той же ночью, принеся с собой фонарь, который испускал луч яркого, чистого света, окружая койку Браеля почти святым ореолом.

Женщина пришла не одна. Сначала Браель решил, что это дитя. Но когда оно полностью вышло на свет, он с потрясением увидел, что существо, вероятно, было старше его как минимум на поколение. Однако, тело его, похоже, перестало расти после шести-семи лет. Глаза казались чёрными гальками,

вставленными в складки глазниц.

— Браель, — сказала женщина. Голос у неё был мягкий, и она произнесла его имя неуверенно, словно пробуя на вкус, пытаясь подогнать своё произношение под его. — Браель Корфе.

Имя, произнесённое таким образом, развеяло его страхи, которые уже начинали закрадываться в душу.

— Счастливчик, — продолжала она. Неужели она знала о нём больше, чем просто имя? — Говори мне. Расскажи мне.

И так Браель рассказал ей про последний год своей жизни. Он не мог не упомянуть Вику и Брона, веру Вики в звёздных богов и в каком восторге был бы Брон, увидев их. Он рассказал ей про огни в небе, о столбах дыма в горах и набегающую волну смерти, что покатила оттуда вниз. Он рассказал ей о войне, о потерях селения за селением, города за городом. Он рассказал ей о мужчинах и женщинах, с которыми сражался бок о бок: тех, кто погиб, и тех немногих, кто выжил. Он рассказал ей про Греллак. Он рассказал ей про Маллак, про шахты, священный Вакс и последний штурм. И когда он закончил, то ощутил, как с плеч упала гора. Он ощутил, что всё, что он сделал, всё, что он вынес, — принесло пользу. Смерть и страдания были не напрасными. Возвращение звёздных богов и их последователей придало всему этому смысл.

За рассказом он потерял счёт времени, но выражение лица женщины ни разу не изменилось. Она просто позволила ему выговориться, пока краем глаза Браель не заметил, что низкорослое старое существо подаёт ей знак. Жестом остановив рассказ, она наклонила ухо, слушая, что то говорит.

Голос существа был неестественно высоким. Слова, сходящие с губ, были непонятными — поток бессмыслицы.

— Предозна? — повторила женщина три слога из всего, что старое-малое существо лопотало. Оно кивнуло.

Женщина адресовала карле тёплую улыбку, крайне коротко кивнула Браелю на прощание, хотя тот чувствовал, что ему есть ещё много о чём сказать и рассказать ей, и величественно зашагала прочь из отделения. Шар света заставлял спящих ворочаться, когда она проходила мимо коек.

Во вновь наступившей темноте Браель уставился в потолок. Перед глазами у него плясали пурпурные пятна.

Для ускорения языковой ассимиляции мои аколиты проводили время среди простого народа, записывая речевые обороты, грамматические отклонения от стандартного готика и наиболее заметные диалектические особенности. Кодиции моей команды приступили к анализу и каталогизации томов, хранящихся в неожиданно хорошем состоянии в городском библиотеке. Это знак благословения Императора, что последним выжившим человеческим городом на Самаксе-4 стал Маллак — город, который крепче всех цеплялся за свои далёкие имперские корни.

В поисках следов оставшейся ксенугрозы и мутационной генопорчи каждый слух подвергся исследованию, будь то через официальные допросы или психическое сканирование.

(Примечание: Хотя кое-кто в нашем ордо хмурится при упоминании терпимости и использования санкционированных псайкеров, таких как Габриелла, но я неоднократно находила, что озарения,

которые она получает от субъектов без их на то ведома, и таким образом, безо всяких попыток с их стороны скрыть истину, бесценны. В этом отношении первоначальный осмотр этого мира ничем не отличался.)

Лубки сняли на следующий день. Обрадованному Браелю не терпелось вступить в новые отряды.

— Сначала вам лучше научиться ходить, — посоветовал костоправ, срезавший бинты, и повёл рукой вдоль его ног. Медсестра, помогавшая ему, передала Браелю пару разномастных костылей.

Так что Браель отстукивал свой путь по отделению, круг за кругом. Сейчас на койках оставалось совсем мало людей, у костоправов и медсестёр появилось больше времени, чтобы постоять поболтать друг с другом и с Браелем, который в сотый раз проходил мимо. Одетым в чёрное чужестранцам тоже, похоже, пришлось отправиться дальше — вызвав некоторое облегчение среди медицинского персонала, сделал вывод Браель. Они задавали слишком странные вопросы в своей странной, высокопарной манере говорить.

Феллик, Томбек и Фрейта больше не приходили, так что Браель продолжал ходить, чертыхаясь каждый раз, когда спотыкался, и отвергая всякую помощь, когда падал.

Он сменил костыли на пару потёртых тростей через четыре дня. Через семь уже передвигался без опоры.

На восьмой день за ним пришли: двое мужчин, носящих зеркальные маски на лицах и чёрную форму, кроем похожую на ту, что носила навещавшая его женщина.

— Пошли, — сказал один, его голос звучал немного глуховато из-под маски. Браеля немного сбивало с толку его собственное лицо, смотревшее из отражения, столь чёткого, оттуда, где должно было быть лицо чужестранца.

Браель встал.

— Твои вещи, — сказал другой чужестранец. — Имущество.

— У меня ничего нет, — ответил Браель. — У меня ничего не осталось после зеленокожих. Всё, что мне нужно, это вернуться и сражаться с ними.

— Пошли, — повторил первый.

Несмотря на то, что уже отказался от тростей, Браель обнаружил, что спуск по лестнице для него будет суровым испытанием. Спустившись на первый этаж, он вышел из лекарского пункта в первый раз за многие недели.

Маллакс лежал в руинах, но был жив. На улицах были люди — агранцы, в основном, но тут и там мелькали многочисленные группы странно одетых мужчин и женщин. Поначалу, услышав шум двигателя, он напрягся, ожидая, что из-за угла появится боевая повозка зеленокожих. Недалеко от лекарского пункта стояла повозка другого вида. Задняя часть была открытой, в крытой кабине в передней части безлошадной повозки сидели двое новоприбывших. На выкрашенных в форменный тускло-серый цвет металлических бортах распахнул крылья двухголовый орёл сторонников звёздных богов — символ, который новоприбывшие воздвигали над зданиями, которые занимали под свои конторы и мастерские. На стенах его также рисовали и благодарные маллаксы.

Сопровождающие показали Браелю, что он должен забраться в заднюю часть повозки. Но он с удивлением обнаружил, что совсем не хочет подходить к ней, — слишком сильно она напоминала моторные боевые машины зеленокожих. Собравшись с решимостью, он ухватился за борт машины. Почувствовав вибрацию скрытого двигателя, подумал о гораздо более слабой пульсации Вакса в тускло освещённом храме.

Поставив одну ногу на жёсткую металлическую подножку под задним бортом повозки, Браель с некоторым трудом взобрался наверх, снова отвергнув всякую помощь, так как хотел, чтобы новоприбывшие видели, что он вполне здоров, чтобы вернуться в ополчение.

Когда повозка урчала по улицам, навстречу попались более прилизанные машины, вёзшие людей в вычурно отделанной форме. Браель улыбнулся и помахал. Они не вернули ему приветствие.

Браель пообещал себе узнать, как солдаты новых отрядов приветствуют друг друга.

Повозка остановилась в тени разбитой восточной стены. Увидев огромные проломы в древнем камне и металле, Браель вспомнил первые волны атаки зеленокожих. Высокое ограждение, похоже, сплетённое из невероятно тонкой проволоки, было возведено вокруг старого склада. Ещё двое зеркальнолицых чужестранцев стояли у ворот, которые вели внутрь территории. По слову, которого Браель не понял, ворота открылись, и он и его сопровождающие вошли внутрь.

Сперва Браель решил, что его привезли в другой лекарский пункт. Склад содержал ряды коек, половина которых была занята: мужчины на первом этаже, женщины — этажом выше.

Никто не мог с уверенностью сказать, зачем их свезли сюда. Всех их, как выяснил Браель, доставила на территорию склада пара зеркальнолицых чужестранцев. Некоторые — те, кто был здесь дольше всех, — начинали смотреть на ситуацию с пессимистической стороны. Другие ещё говорили об этом, как о перевалочном пункте, из которого их повезут для вступления в новые отряды, которые уже отправились из Маллакса на фронт.

— Я надеюсь, что они возьмут нас на одну из своих летающих машин, — сказал Браелю парень лет девятнадцати. — Смотреть на мир с воздуха, словно птица, — восхищался он, — вот чудеса!

Но больше всего Браель удивился, когда увидел в комнате знакомое лицо.

— Массау? — Браель даже не знал, то ли дружески поприветствовать скользкого цеховика, то ли вцепиться ему в глотку. Во всяком случае, Массау избегал встречаться с ним глазами, как и в течении следующих трёх дней.

Браель устроился на одной из свободных коек: делать было нечего, кроме как постараться отгородиться от слухов, циркулировавших по складу, есть пищу, которую доставляли три раза в день, и продолжать ходить, чтобы укрепить ноги.

На четвёртый день двери склада открылись, и мужчин и женщин вывели наружу. Внутри территории стояло несколько повозок, урча двигателями. В отличие от открытой сверху машины, которая привезла сюда Браеля, у этих повозок были металлические крыши и высокие борта без окон.

Прежде чем забраться в заднюю часть одной из повозок, Браель обратился к чужестранцу в чёрной форме, который стоял рядом с тяжёлой металлической дверью повозки:

— Мы собираемся присоединиться к новым отрядам?

Его отражение открывало и закрывало рот в такт словам, но человек за маской лишь ткнул пальцем в сторону открытой двери. Браель заметил, как другая рука чужестранца придвинулась поближе к рукоятке пистолета, торчавшей из кобуры на бедре. Браель полез наверх.

Поездка оказалась короче, чем он ожидал. Когда задняя дверь с лязгом распахнулась, он шагнул вниз на открытое пространство за городской стеной. Стену раздолбала артиллерия зеленокожих, а новоприбывшие совсем сровняли её с землёй. Они расчистили огромную, ровную площадку, на которой сейчас располагалось скопище летающих машин, которых ни Браель, ни кто-либо из его спутников не могли себе и представить. Здесь были те летательные аппараты, что описывал ему Феллик, — те, что могли нести в своих утробах сотни людей. Были и другие, гораздо больше, из которых выкатывались машины вдвое крупнее и тяжелее, чем те повозки, из которых Браель и его спутники только что вылезли. Летающие машины были утыканы тем, что Браель посчитал за оружие, как и машины, что с грохотом выезжали изнутри по трапам.

Доставив свой груз, одна из летающих машин поднялась в воздух с неопишным грохотом. Браель и его спутники прижали ладони к ушам, некоторые забормотали молитвы, один человек просто упал на колени, с отвисшей от изумления и ужаса челюстью провожая глазами машину, пока та быстро уходила в небо.

Поодаль, на краю площадки стоял угольно-чёрный летательный аппарат без каких-либо внешних знаков различия. Было видно вереницу людей, поднимающихся по трапу внутрь. Группу Браеля направили к концу очереди.

— Куда вы забираете нас? — спросил Браель у зеркальнолицего, что указывал на приземистую машину. Браель подумал, что та больше похожа на жука-переростка, чем на нечто, созданное человеком. Когда новоприбывший не ответил, Браель повторил вопрос громче и тем тоном, который использовал, когда хотел, чтобы его бойцы обратили внимание.

Зеркальнолицый держал в одной руке длинную дубинку. Быстрым, плавным движением он опустил её на левое колено Браеля. Ещё слабое, колено поддалось, и Браель повалился на землю. Увидев это, другие остановились, глядя вниз на Браеля, затем вверх на зеркального стража.

Несколько одетых в чёрное стражей подошли на помощь своему, держа наготове дубинки. Толпа попятилась обратно в очередь. Отказавшись от предложенной помощи, Браель с трудом поднялся на ноги и последовал за остальными. Хотя зеркальнолицый ударил его по колену, он чувствовал, как тошнотворная боль начинает расти позади глаз.

Внутри похожая на насекомое машина была почти такой же чёрной, как и снаружи. Длинные световые полосы гудели и отбрасывали тусклый свет. Когда глаза привыкли к полумраку, Браель увидел, что находится в обширном пространстве, наполненном ряд за рядом кроватями, составленными в три этажа. Потолок был низким. Сюда было набито, наверное, сотен пять людей. По помещению начинало циркулировать бормотание — испуганное, подозрительное, сердитое.

По металлическим стенам и полу прокатился глухой лязг — двери захлопнулись, — за ним последовало шипение, и на уши стало давить всё сильнее и сильнее, словно они опускались всё глубже под воду. Затем появились другие звуки — нарастающий гул двигателей. Пол взбрыкнул и слегка закачался. Видимо, корабль-жук уже оторвался от земли.

«Всё, что я выстрадал. Всё, что я совершил. Ради этого?» — спросил себя Браель. Боль в голове разъяснилась. Он понял, что не увидит свой дом — свой мир — больше никогда.

— За что? — спросил он, не замечая, что произнёс вопрос вслух. Единственным ответом ему была какофония воплей и криков, стонов ужаса и отчаяния, которые становились всё громче, отражаясь от голых металлических стен.

Отсутствие строгого имперского надзора за этим миром со времен Эры Отступничества позволило дефектным признакам беспрепятственно развиваться, порождая наследственные генетические отклонения, среди которых присутствует значительный процентиль латентных психических способностей. В некоторых случаях это отклонение перешли из слабой латентной формы в явную и активную.

Процесс выслеживания всех латентных и явных псайкеров продолжается, как и процесс отделения их от остального населения и сбор этой порченной психики на пользу Империи и ради спасения их собственных душ. Их нетронутая энергия будет питать Золотой Трон и поддерживать свет Императора, что сияет сквозь Имматериум.

Первый из чёрных кораблей покинул орбиту сегодня, направляясь к Священной Терре.

Цель всегда оправдывает средства.

Во имя Императора.

Заключение из «Инквизиторского коммюнике 747923486/алеф/Самакс-4»

Автор: инквизитор Селена Инфантус

M41.793

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Ксеноцид_/_Xenocide_\(рассказ\)&oldid=5055](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Ксеноцид_/_Xenocide_(рассказ)&oldid=5055)

Эта страница в последний раз была отредактирована 5 октября 2019 в 21:36.